

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7, 37)

www.aquaviva.ru

ВОДА

ЖИВАЯ

ИЮЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК

№ 7 [102] 2008

LINGUA SACRA:

МИССИЯ

Апостолы Петр и Павел. Греческая икона XVII века

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Главный православный праздник июля – день первоверховных апостолов Петра и Павла. Имена апостолов давно стали именами-символами. Несокрушимая твердость, верность Слову Божию и его проповеди даже до смерти, особенно памятуя опыт временного отступничества (Симон Петр) и открытого неприятия Церкви (Савл Павел), но прежде всего, безграничная любовь, как будто изо всех сил пытающаяся поспеть за любовью Божией, явившейся в мир. Только такими и могли быть посланцы (апостолы) Того, Кто душу Свою положил за овцы Своя. Только такой и может быть миссия Церкви Христовой, если она преследует цель спасти, то есть осчастливить людей.

«Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их» (Пс. 18, 5), – сказал псалмопевец... нет, не о людях, а о небесах и о тверди – творении Божиим, делах рук Его. Церковь же смело применяет эти слова к апостолам, возвеличивая их труд наравне с красотой дня и ночи, неба и солнца, всего того, что украшает вселенную.

+ Владимир,

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	1
АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ	4
АКСИОС!	9
СЛОВО БОЖИЕ	
Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). ВЕРУЕМ, ИБО ЗНАЕМ Апостол в 3-ю неделю по Пятидесятнице	10
Иерей Михаил Браверман. ВЕРА СОТНИКА Евангелие в 4-ю неделю по Пятидесятнице	12
БЛАЖЕНСТВА ШАГ ЗА ШАГОМ	
Иерей Димитрий Сизоненко. МИЛОСТЬ, А НЕ ЖЕРТВА «Блаженны милостивые...» (Мф. 5, 7)	14
ВЗГЛЯД	
Борис Артеменко. ВЕЧНЫЙ ВОПРОС	16
Ирина Левина. О ВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ	16
Наталья Трауберг. УЛИЦА ДЛЯ ПРОХОДЯЩИХ	17
Андрей Балканский. БЕЗ ПРАВ РЕКЛАМЫ	17
ПРИХОДЫ ЕПАРХИИ	
Татьяна Кириллина. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ХРАМА АННЫ КАШИНСКОЙ	18
ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА	
ТВОРЧЕСКИЙ САМОАНАЛИЗ. Беседа с Ольгой Братчиной	22
НЕ МЕНЯЯ МАСОК. Беседа с Надеждой Рязанцевой	26
ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА	
МИССИОНЕРСТВО ИЛИ ДИКОСТЬ? Беседа с протоиереем Александром Будниковым	30
ФОТОРЕПОРТАЖ	
«ДЕТИ ПОД НЕБОМ ИСААКИЯ»	34
РЕСТАВРАЦИЯ	
ЧАСОВНЯ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО	36

Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник

7/2008 (102). Официальное издание Санкт-Петербургской епархии.

Основан в 1875 г. Возобновлен в 2000 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-31569 от 01.04.2008

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор: митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР

Ответственный редактор: протоиерей Александр СОРОКИН, председатель Издательского отдела

Ответственный секретарь: Иван СУДОСА

Выпускающий редактор: иерей Димитрий СИЗОНЕНКО

Руководитель информационной службы: Анастасия КОСКЕЛЛО

Дизайн и верстка: Андрей БАЛКАНСКИЙ

Корректор: Татьяна ИВАНОВА

Фотографы: Юрий КОСТЫГОВ, Станислав МАРЧЕНКО

Фото на 1-й странице обложки: диакон Петр СТУКАЛ

Редакционная подписка: Виктория СИНЕЛЬНИКОВА. Тел.: 8 (812) 540-18-01

Благодарим за помощь в распространении журнала – распространителей журнала «Фома»

Партнер по продвижению и реализации: Издательство «Ладан». По вопросам оптовых поставок обращаться в магазин издательства «Ладан» по адресу: ул. Решетникова, д. 13. Тел.: 8 (812) 388-59-89

Адрес Издательского отдела: 191167, Санкт-Петербург, наб. р. Монастырки, д. 1, Санкт-Петербургское епархиальное управление. Тел.: 274-16-45; www.aquaviva.ru; info@aquaviva.ru

Отпечатано в типографии «Моби Дик»; тираж: 3000 экз. Цена свободная

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА	
МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ. Встреча в Сиэтле	38
ВЕРА И РАЗУМ	
НЕ ПОТЕРЯТЬСЯ В РОЛИ. Беседа с философом Константином Ивановым	42
LINGUA SACRA	
Священник Стефан Фриман. МИССИЯ И ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ: от святых отцов до наших дней	46
Антон Тихомиров. ЦЕРКОВЬ КАК ВСТРЕЧА Лютеранский взгляд на современное миссионерство	50
Протоиерей Александр Сорокин. ПРИИДИ И ВИЖДЬ Миссия Православной Церкви сегодня	54
КРУГЛЫЙ СТОЛ	
МИССИОНЕРСКИЙ ПРИХОД Задача со многими неизвестными?	58
УТРАЧЕННАЯ ГУБЕРНИЯ	
Сергей Наконечный. СТОРОЖНО	62
КНИГИ	64

26/27 МАЯ

День города Санкт-Петербурга;
день рождения митрополита Владимира

Владыка совершил Всенощное бдение в Казанском кафедральном соборе и Божественную литургию в храме Воскресения Христова («Спас-на-Крови») в сослужении викариев Санкт-Петербургской епархии архиепископа Тихвинского Константина и епископа Петергофского Маркелла и епархиального духовенства. Поздравить Владыку с 79-летием со дня рождения прибыли Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадим Тюльпанов.

3 ИЮНЯ
Владимирской
иконы Божией
Матери; равноап-
остольных Кон-
стантина и Елены
Митрополит
Владимир
совершил молебен
в храме равноап-
остольных Кон-
стантина и Елены
одноименного
женского мона-
стыря по случаю
престольного
праздника.

5 ИЮНЯ Вознесение Господне

Митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Вознесенском Софийском соборе Царского Села в сослужении епископа Петергофского Маркелла и духовенства собора по случаю престольного праздника. После богослужения Владыка посетил стройплощадку реконструируемого собора святой великомученицы Екатерины на Соборной площади Царского Села.

12 ИЮНЯ
Преподобного Исаакия Далматского;
150 лет со дня освящения Исаакиевского собора

Митрополит Владимир возглавил Божественную литургию в Исаакиевском соборе в сослужении архиепископа Тихвинского Константина, епископа Петергофского Маркелла и духовенства епархии. После богослужения Владыка тепло поздравил всех с днем России и юбилеем освящения Исаакиевского собора. В своём приветствии он в частности сказал:

«Этот великолепный храм создавался по проекту Огюста Монферрана в позапрошлом столетии как памятник основателю города на Неве. По своим величественным размерам, богатому убранству и одновременно изяществу он сразу стяжал себе славу одного из самых прекрасных архитектурных творений мира и до сих пор

прочно сохраняет статус бесценной жемчужины человеческой культуры.

Само событие освящения храма 30 мая 1858 года, которое мы сегодня вспоминаем торжественным соборным служением и молитвой, было под стать величию и красоте самого собора. Одних только певчих на службе освящения тогда было 1200 человек. Богослужение и связанные с ним церемонии возглавил митрополит Санкт-Петербургский Григорий I (Постников) в сослужении многочисленного Лаврского и епархиального духовенства, в присутствии Государя Императора Александра Второго и всего Царского Двора, при стечении огромных толп верующих и в сопровождении войск в полной парадной форме. Сразу после освящения Исаакиевский собор был провозглашен кафедральным собором Русской Православной Церкви, каковым и оставался мно-

Назначенный с 1 июня 2008 года директор ГМП «Исаакиевский собор» Николай Буров встречает митрополита Владимира на паперти Исаакиевского собора

гие годы до наступления темного богоборческого периода в трагическом для России XX веке.

Собор сохранил до наших дней память и о своем славном первоначальном прошлом, и о своих тяготах и ранах в годы войны и советского безбожия, и всем своим непобедимым, великолепно-м видом напоминает о своем главном непреходящем призвании, выраженном словами Спасителя, начертанными над входом:

«Храм мой Храм молитвы наречется!» (Мф. 21, 13)»

Владыка вручил Патриаршие и Архиерейские награды руководителям и сотрудникам Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» по случаю славного юбилея.

Рукоположения, совершенные по благословению митрополита Владимира викариями Санкт-Петербургской епархии:

1 июня в Благовещенском храме на Васильевском острове епископ Петергофский Маркелл рукоположил диакона Артемия Андреевича ЕГУРНОГО [1] во пресвитера к Пискаревскому храму Благовещения Пресвятой Богородицы и Александра Борисовича ПАГАЕВА [2] во диакона к храму великомученика и целителя Пантелеимона на Ручье.

ЗАЧЕМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МИССИЯ?

На вопрос «ВЖ» отвечают новорукоположенные клирики Санкт-Петербургской епархии

Диакон
Александр Пагаев

Миссия в Церкви – это исполнение прямой заповеди, данной Иисусом Христом: «научите вся языки, крестяще... и учаще...» (Мф. 28, 19-20). Эта мысль повторяется во многих местах Евангелия. Если главным делом Христа на земле был Его искупительный подвиг, то поведать о нём миру Он поручил Церкви, в лице своих учеников и апостолов. Так они были призваны – как ловцы человеков, в связи с этой задачей был послан Церкви и Дух Святой, о чем мы вспоминаем в тропаре Пятидесятницы: «Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святаго...» Поэтому миссия – это важнейшая задача Церкви с самого Её рождения. В то же время, миссия не является самоцелью, Церковь не просто собирает людей, но, собирая, приводит к Богу. Современные условия жизни могут дать Церкви новые возможности для проповеди, к созиданию Тела Христова, и мы не имеем права упускать их.

Иерей
Алексий Венков

Миссия в Церкви, безусловно, необходима для того, чтобы таким образом Церковь выполняла волю Господа нашего Иисуса Христа – заповедь, данную Им Своим ученикам – апостолам – перед Вознесением. Об этом говорится в последнем зачале Евангелия от Матфея: «Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам. И се аз с вами есмь во вся дни до скончания века». (Мф. 28, 19-20) Это было Его последним напутствием Своим верным ученикам, и это есть указание на их миссию во всем мире. В наше время священство, живущее по евангельским заповедям и ведущее христианский образ жизни в современном обществе, своим личным примером осуществляет эту миссию. Ведь самый действенный способ миссионерской деятельности – свой собственный пример.

Иерей
Артемий Егурный

Дело в том, что миссия изначально заложена в природе самой Церкви. Слово миссия переводится с латинского языка как посланничество. Сам Господь Иисус Христос говорит нам: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19-20). Исходя из этих слов, мы видим задачи миссии. Нам нужно проповедовать Евангелие и обращать людей к Богу, и это задача каждого воцерковлённого человека. Ведь даже если человек просто живёт благочестиво по Евангелию, он уже своим личным примером прославляет Бога. Христос есть путь, истина и жизнь, и цель миссии показать этот путь, раскрыть истину, вовлечь людей в церковную жизнь и обрести спасение в Боге.

Вопрос задавала Ольга Сергеева
Фото: Юрий Костыгов

ВЕРУЕМ, ИБО ЗНАЕМ

АПОСТОЛ В НЕДЕЛЮ 3-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Братия, мы верою оправданы, и потому у нас теперь мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, ²через Которого у нас есть также доступ верою к той благодати, в которой мы стоим и хвалимся надеждой на славу Божию. ³И не только. Но также хвалимся страданиями, зная, что страдание ведет к терпению, ⁴терпение к стойкости, а стойкость к надежде. ⁵А надежда нас не посрамит, потому что в наших сердцах – любовь Божия, излившаяся в них Духом Святым, нам данным. ⁶Ибо Христос, когда мы были ещё бессильными, в назначенное время умер за безбожников. ⁷А ведь едва ли кто умрет даже за праведника; разве только за очень доброго праведника кто и решится умереть. ⁸Но Бог явил Свою любовь к нам, потому что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками. ⁹Поэтому, оправданные ныне Его Кровью, тем более мы будем спасены Им от гнева. ¹⁰Ведь если нас, врагов, Бог примирил с Собою смертью Сына Своего, то, примиренных ныне, тем более спасет нас в жизни Его.

Рим. 5, 1-10

Перевод архимандрита Ианнуария (Ивлиева)

Как ни странным это может показаться, тема предлагаемого к размышлению отрывка, – отношение веры и знания. Что есть вера? На чём она основана? Имеет ли она какие-нибудь разумные основания? Часто приходится слышать утверждение «верую, ибо нелепо». Этот броский афоризм Тертуллиана часто воспринимают, чуть ли не как христианский догмат и призыв борьбы с рациональностью. Но истинно ли утверждение, будто вера противоположна человеческому разуму? Судя по Посланию к Римлянам, апостол Павел так не считал. Вера для него вовсе не была эмоциональным порывом. Напротив, апостол знал, что вера постоянно требует опытного и разумного подтверждения в искушениях и в опасности её утраты.

Подобно Аврааму, мы имеем обетование Божие, обещание спасения и вечной жизни. Мы верим ему. Но реальность, в ко-

торой последнее слово всегда остаётся за смертью, постоянно ставит под вопрос обещание жизни. Кто из нас скажет о себе, что он абсолютно свободен от сомнений? Апостол Павел в Послании к Римлянам серьёзно размышляет над этой проблемой, ибо он мыслит, как реалист.

На это указывает уже его словоупотребление. Ведь когда он говорит «спасаться», «быть спасённым» или «спасение», то при этом он подразумевает спасение как преодоление смерти, которое произойдёт только в конце времён, и при этом произойдёт телесным, видимым образом. А до того времени наше спасение постоянно остаётся под вопросом. Действительность и смерть видимы, а спасение невидимо, внешне не проявлено. О нём можно говорить только в образе надежды. Иногда такое расхождение между данностью и ожидаемым снимается мистическим энтузиазмом, восторгом,

некими эмоциональными всплесками, которые принимаются за состояние спасения. Но для апостола Павла такой иррациональный самообман был совершенно невозможен. Что же тогда может придать основательность нашей вере в спасение?

Сначала апостол Павел говорит о нашем живом христианском опыте в настоящем. И на вопрос, почему мы абсолютно уверены в нашем спасительном будущем, он отвечает: «Потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам». Так, именно любовь Божия – основание нашей надежды на спасение.

Однако начинается всё с «мира» и «благодати». Эти ключевые слова обозначают желанное и дарованное в вере спасение. Вспомним, как апостол Павел приветствует христиан в начале каждого из своих посланий: «Благодать вам и мир от Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа». Далее апостол наряду с прошлым («оправданным верою») и настоящим («имеем мир», «стоим в благодати») обращается к будущему времени, в котором и осуществится наше спасение. Глядя в будущее, апостол Павел настолько в нём уверен, что рискует написать: он «хвалится». Он хвалится «надеждой на славу Божию», то есть уверенностью в том, что он некогда примет участие в славе Божией, в Его жизни, в непреходящем сиянии близости Божией. Такая «похвала», такая радость за себя не есть бахвальство, не есть дерзость, но своеобразный вид восхваления Бога, на Которого направлена наша вера и наша надежда.

Последующие строки показывают, что эта радость похвалы не умолкает и там, где, по человеческим понятиям, ей совсем не место, а именно в «скорбях», то есть во всевозможных страданиях и нуждах, постигающих верующего в этом злом мире. Они переносимы только потому, что он твёрдо знает: слава Божия вскоре положит неизбежный конец страданиям века сего. И здесь апостол прибегает к такому способу аргументации, который называется «цепочкой заключений». Вообще-то «доказательства» апостола сами по себе нельзя назвать строгими логически. Но всё построение отрывка, его торжественность, приподнятость придает ему характер убедительности и настроение радостной уверенности.

В своей «цепочке заключений» (страдания – терпение – стойкость – надежда) апостол следует традиции библейской Премудрости, которая предполагала созревание человека в испытаниях, предполагала, что в человеке существуют душевные силы сопротивления жизненным ударам. Но уверенность апостола Павла зиждется не на этих естественных душевных силах человека. Решающим для него является переживание любви Божией. Не нашей любви, а любви Божией! Именно в ней находит завершение взятая из ветхой Премудрости «цепочка заключений». Любовь Божия овладевает нами в нашем «сердце». Согласно библейской антропологии, слово «сердце» лишено сентиментальной окраски. Сердце – это сердцевина, умный центр нашей личности.

Присутствие любви Божией в нас свидетельствует о себе Духом Святым.

Но почему мы знаем об этой любви? Может быть, наша уверенность в любви Божией есть результат некоего мистического озарения, доступного только религиозно одаренным личностям? Ничего подобного! Согласно рассуждениям апостола Павла, наша уверенность в любви Божией коренится, во-первых, в самой истории, точнее: в верующем знании истории распятого за нас Иисуса Христа, как воплощения любви Божией к нам. Во-вторых, наша уверенность вырастает из самого опыта наших страданий. Наш опыт свидетельствует нам, что благодаря благодати Божией можно жить и побеждать враждебную нам реальность. Но этот опыт – печать на нашем знании. Сначала знание, а потом – опыт, ведущий к вере. «Как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали?» (Рим. 10, 14). В начале отрывка апостол Павел говорит о нашем живом опыте веры, а далее он изображает логику веры, то есть то, как вера вырастает из размышления над историческим явлением Христа, над Его смертью и воскресением, из размышления о Боге.

Какую же логику использует здесь апостол? Дважды он прибегает к традиционному для его времени способу умозаключения «от лёгкого к тяжёлому» (то есть от несомненного к ещё более несомненному). «Ведь если нас, когда мы были врагами, Бог примирил с Собой смертью Сына Своего, то тем более, примирённых ныне, спасёт нас в жизни Его». С человеческой перспективы предание Иисуса на смерть за грешников должно казаться безумием, парадоксальным выражением невероятной любви. При этом апостол Павел исходит из эллинистической этики дружбы с её высокими идеалами. Так, у Сенеки читаем: «Для чего я обретаю друга? Для того чтобы у меня был кто-то, за кого я мог бы умереть» (Сенека, Письма к Луциллию I 9, 10). Разумеется, апостол Павел реалист и поэту скептически относится к столь высоким эллинистическим идеалам дружбы. Он знает, что жертвенная смерть даже за очень доброго и праведного человека – дело очень редкое и требует чрезвычайной решимости. На фоне такой реальности смерть Иисуса Христа за неправедных и безбожных тем более должна показаться соблазном и безумием (ср. 1 Кор. 1, 23). Но для апостола Павла именно на Кресте обнаруживается вся безмерность Божественной любви, которую нельзя измерить никакими человеческими мерками. Это – любовь к врагам. Бог заступился за Своих врагов! Он сделал их Своими друзьями. Если так, то тем более на грядущем Суде Он дарует нам, ныне Его друзьям, спасение и жизнь. Любовь Божия не нуждается ни в какой причине, ибо она – абсолютное добро. Любовь Божия – абсолютна и безусловна, как абсолютен и безусловен Сам Бог, ибо Бог есть любовь!

Архимандрит Иоаннуарий (Ивлиев)

ВЕРА СОТНИКА

ЕВАНГЕЛИЕ В НЕДЕЛЮ 4-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

В то время, когда вошел Иисус в Капернаум, подошел к Нему один центурион, прося о помощи и говоря: ⁶«Господин мой, у меня дома лежит мой слуга в параличе и страшно мучается». ⁷И говорит ему Иисус: «Так Я приду его исцелить». ⁸И центурион ответил Ему: «Господин мой, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров ко мне; но Ты только скажи слово, и мой слуга исцелится. ⁹Я ведь сам человек подначальный, и у меня воины в подчинении. Говорю одному: «иди!» — и он уходит, а другому: «приходи!» — и он приходит, или тому же слуге: «сделай то и то!» — и он делает». ¹⁰Услышав это, Иисус изумился и сказал тем, кто были с Ним: «Воистину говорю вам, такой веры Я не нашел ни у кого даже во Израиле. ¹¹А потому говорю вам, что многие придут с востока и запада и возлягут на пиришестве с Авраамом, и Исааком, и Иаковом, в Царстве Небесном, ¹²а те, кому Царство было уготовано, извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубовный». ¹³И сказал Иисус центуриону: «Иди, и да будет тебе, как ты уверовал». И его слуга исцелен был в тот же час.

Мф. 8, 5-13

Перевод Сергея Аверинцева

Евангельский рассказ об исцелении Господом слуги римского сотника, открывает нам очень трогательную историю. Историю необыкновенных между людьми взаимоотношений и выдающейся веры, которая была явлена в этом повествовании.

ЛЮБОВЬ К РАБУ

Первое, что, наверное, приятно удивило Спасителя при обращении к Нему сотника, и вызвало недоумение всех свидетелей этого эпизода, — это за кого он просил! Христа часто просили об исцелении, но просили либо за себя, либо за близких людей. В Евангелии более нигде не зафиксировано, что бы кто-то был обеспокоен здоровьем своих рабов. И не только в Евангелии, но и в целом в практике древнего мира, отношение к рабу было на уровне отношений к животному. В римской империи раб не имел никаких юридических прав,

он ничего не значил. Никого не волновало, если раб страдал от болезни или умирал. До нас дошли древние источники, свидетельствующие об отсутствии самого статуса человека у тех, кого называли рабами. У римского писателя-энциклопедиста, филолога и «языческого богослова» Варрона в книге «Сельское хозяйство» есть мрачный отрывок, в котором он делит сельскохозяйственные орудия на три класса: говорящие членораздельно, нечленораздельно и немые. «Говорящие членораздельно — это рабы; говорящие нечленораздельно — скот; немые — повозки». Единственное различие между рабом, животным и повозкой заключалось в том, что раб мог говорить. Но по своему качественному состоянию они на одном уровне. Если раб смертельно заболел, то его просто убивали. И проявление человеческих чувств к тому, на кого смотрели как на животное, уже выделяет

сотника. Удивительно и то, что любовь, заботу и жалость к рабу проявил язычник и человек отнюдь не склонный к сентиментальности. Ибо это был суровый легионер, который прошёл многими военными дорогами. Терял в походах не только рабов, но и друзей и что такое смерть знал не понаслышке. Но испытания и лишения не ожесточили его, не исказили образа Божия, который пребывает в каждом человеке.

ВЕРА ВО ХРИСТА

Кроме чувства любви, сотник явил удивительную веру в Господа, о чем засвидетельствовал Сам Христос «истинно говорю вам, и в Израиле не нашёл Я такой веры». Уверенность сотника в целительной силе Христа такова, что, по его мнению, Христу даже нет необходимости подходить к больному или видеть его, чтобы исцелить. Поэтому он, обращаясь к Христу с просьбой, при этом Его как бы поучает, говоря «я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой». Но помимо веры во всемогущество Христа и осознания своего недостойнства здесь содержится прикровенное указание на ещё одно доброе и редкое среди людей качество римского центуриона. Он не пытается добиться исцеления своего слуги любой ценой. Он учитывает возможные негативные последствия и вред для Спасителя, если Он согласится переступить порог его дома. Во-первых, сотник хорошо знал традиции и религиозную практику страны, в которой он находился. В соответствии с этой практикой иудей не имел права входить в дом язычника. Такой поступок был бы воспринят как осквернение, и повлек бы за собой дополнительные нарекания в адрес Христа со стороны ревнителей закона. Во-вторых, сотник был командиром войск римского гарнизона, дислоцированных в Капернауме. Римские войска – это войска оккупационные. И в глазах еврей-патриота любая помощь солдату, а тем более командиру римской армии, воспринималась только как сотрудничество с порабощателями. Таким образом, сотник проявляет заботу не только о болящем рабе, но и о Христе, для которого посещение дома язычника, да ещё командира гарнизона оккупационных войск, может обернуться конфликтом в Его собственной иудейской среде.

МОЛИТВА ЗА БЛИЖНЕГО

Сегодня мы обращаемся к Невидимому Богу. Но для сотника Богом был человек, проходящий мимо него по улице. И его просьба к Христу об исцелении болящего слуги была его молитвой за ближнего. Под молитвой мы подразумеваем наше обращение к Богу и общение с Ним. Молитва большинства людей содержит в себе прошения, схожие с просьбой сотника: чтобы Господь исцелил, помог, избавил от бед, даровал успех. Такую молитву практикуют и люди малоцерковные, которые по другим поводам, кроме личных проблем, к Богу не обращаются и о Нём не вспоминают.

Люди церковные, общаясь с Богом, стараются приносить Ему покаяние и пытаются не забывать благодарить Господа, за благодеяния, оказанные им. Но молитва, это совсем необязательно обращение к Богу «по поводу». Человек должен испытывать потребность в общении с Богом, как испытываем мы потребность в общении с близкими и родными нам людьми. Обычно такое общение не содержится в себе, ни просьб, ни раскаяния, ни благодарности. Оно приносит радость оттого, что дорогой для тебя человек находится рядом с тобой. И это уже само по себе счастье. То же самое мы можем проецировать и на наши отношения с Творцом. Скучаем ли мы, когда долго не обращаемся к Нему? С радостью ли подходим к иконе, или воспринимаем молитвенное правило как утомительное требование церковной дисциплины? Ответ на эти вопросы помогает нам уяснить дистанцию между нами и Богом. Как мы к Нему относимся? Близкий Он нам или чужой? Есть ли между нами что-то общее или мы не имеем потребности в общении с Ним, как не имеем потребности в общении с незнакомыми и чужими нам людьми.

Именно общение с Богом, молитва лежит в основе религиозной жизни человека. Опыт молитвы в той или иной степени имеет каждый человек без исключения. Даже если человек не считает себя религиозным, но были в его жизни кризисные обстоятельства, когда жизнь была под угрозой, и он взывал к Богу о помощи примерно следующими словами «я не знаю, есть Ты или нет – но помоги!», ибо рассчитывать больше уже не на кого, а жить хочется. К тому же мы не всегда знаем, как проходят последние минуты человеческой жизни. К Кому направлена мысль человека, который понимает, что в следующее мгновение его физическое бытие прекратится? А это значит, что наиболее значимый для нас вывод и назидание из истории об исцелении слуги сотника заключается в примере молитвы. Каким должно быть наше обращение к Богу, чтобы мы получили на него благоприятный ответ? Сотник был язычником и командиром отряда оккупационной армии. Сточки зрения благочестивого иудея, это человек, с которым общаться нельзя. Сотник это понимает. Он осознаёт своё недостойнство «я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой». Но движимый состраданием к своему болящему слуге и верой в милосердие Христа, он набирается смелости просить Его об исцелении. И Господь слышит его молитву и отвечает ему. Как и сегодня, Он отвечает многим людям, которые впервые к Нему обращаются, не разбираются в религиозной жизни, не знают молитв, а, пытаясь их читать по молитвослову, не понимают ни текста, ни языка на котором они написаны. Они обращаются к Богу как могут. И если это обращение сопровождается любовью к ближнему и верой во Христа, то Господь дарует им просимое, как Он даровал это сотнику, которой с верою и любовью обратился к Нему.

Протоиерей Александр Глебов

МИЛОСТЬ, А НЕ ЖЕРТВА

«БЛАЖЕННЫ МИЛОСТИВЫЕ...» (Мф. 5, 7)

Все единодушны в том, что самым главным в христианстве является милосердие. Однако нельзя не признать, что заповедь любви чаще вызывает у нас угрызения совести и чувство растерянности, чем блаженное ликование. Наше привычное расположение ума и плоти отнюдь не склонно к радостному исполнению заповеди любви. Кроме того, с горечью приходится признать, что само слово «милость» сегодня исчезло из нашего языка, а вместе с ним и императив милостивого отношения друг ко другу.

Что же в устах Спасителя означает это слово? В славянском переводе Священного Писания слова «милость», «милосердие», «благоутробие» являются эквивалентами слова *rahamin*, которое является формой множественного числа слова *rehem*, означающего материнскую утробу. Чтобы донести до сердца народа образ милосердного Бога пророк Исаия находит потрясающий образ. Он говорит о том, что Господь для нас — материнское чрево, в котором человек находит тепло, трепет сострадания и всё, что необходимо для

жизни. «Забудет ли женщина грудное дитя своё, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49, 15). Подобным же образом в Библии говорится о любви отца к сыну, о любви брата к братьям. Когда после бесконечно долгих лет изгнания и разлуки Иосиф видит перед собой своего младшего брата, его переполняют чувства, о которых Библия говорит лаконично: «Воспламенилось всё в утробе его, и он готов был заплакать, и вошёл он во внутреннюю комнату и плакал там» (Быт. 43, 30). Вот какие чувства испытывает милосердный Бог к Своему народу, к Иерусалиму и, наконец, ко всему созданному Им (Пс. 144, 9). Итак, из всех добродетелей милосердие — самая Божественная из всех.

Как верить в силу милосердия, живя в мире, где повсюду мы видим зло и страдания? Ведь даже в сообществах, где нет войн, и где люди живут в относительном благополучии, совершаются убийства, насилие, стремительно распространяется наркомания, господствует власть денег и рекламы — всё это образует паутину греха и смерти. В ответ многие люди предпочитают закрыть глаза,

замкнуться в своем тихом существовании, другие от возмущения призывают «наказать виновных». Находятся и такие, кто во всём этом безумии обвиняют... Бога: «Если бы Бог существовал, Он не допустил бы этого!»

Итак, вы хотите вырваться из этой паутины, из этого порочного круга безумия, которое неизбежно ведёт к смерти и небытию? Вы не хотите играть по правилам мира сего? Вы правы! Но для того, чтобы разорвать эту паутину, нужно ещё большее безумие! Евангелие возвещает, что только милосердие способно победить ненависть, обезоружить насилие, спасти от греха и смерти. Источником блаженства тут становится сама уверенность во всемогуществе Бога, который желает свободы человека.

Милосердие — самая божественная, самая сверхчеловеческая из всех добродетелей. Это не просто любовь, которую мы испытываем в ответ на доброе к нам отношение. Это любовь, которая всё равно существует несмотря на то, что в данный момент с данным человеком нам плохо и трудно. Легко любить тех, кто любит нас, когда наше сердце преисполнено радостными чувствами. Но Господь призывает Своих учеников к большему: любить даже тогда, когда не остаётся никаких сил любить, любить ненавидящих нас, благословлять злословящих нас. Сын Божий приходит в мир для того, чтобы явить нам эту любовь милосердного Отца, тогда в свой черёд мы сможем стать живыми оазисами Божия милосердия в мире, где царит ненависть и жажда мщения.

А как быть с жаждой справедливости? Воспминается грозный образ Мессии, о котором возвещает Иоанн Креститель: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнём; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Своё и соберёт пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым» (Мф. 3, 11-12). Речь идёт о Мессии, который придёт, чтобы судить зло и установить, наконец-то, порядок в этом мире. Он отделит доброе зерно от плевел, и Его суд будет ужасен. Но суд Христов состоит в призыве к покаянию и познанию блаженства, которое обретается в умении миловать и прощать. На беспредельность зла в мире единственным возможным для христианина ответом может стать ещё милосердие, которое окажется ещё более беспредельным.

Одно из главных достоинств милосердной любви состоит в том, что она умеет прощать и учит нас прощать. Прощение — это ключ к Царствию Небесному.

Несомненно, вам случалось испытывать чувство обиды за нанесённые оскорбления или несправедливость со стороны ваших близких, друзей. И вот возникает дилемма: простить или не простить? А если простить, то как? Апостолы, слушая слова Спасителя, понимают, что надо прощать, но Петру кажется, что Господь всё-таки преувеличивает, и поэтому переспрашивает: «Господи! сколько раз прощать брату моему, со-

Микеланджело. Пьета.
Рим. Собор святого Петра

грешающему против меня?» Этот вопрос задаёт человек, оскорблённый в своих чувствах, и смиренно предлагается цифра: «До семи ли раз?» Но в ответ, как гром среди ясного неба, звучат слова: «Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз». (Мф. 18, 21-22). Петру нелегко придётся умножить эти семьдесят на семь. Это первое случайное число? Нет, оно отсылает к истории первого братоубийства: «Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4, 24). Только безумие любви и прощения способно перевернуть безумие зла и насилия, которое со времен Каина и Авеля нарастает как снежный ком.

Евангелие открывает секрет того, как разомкнуть порочный круг насилия, который сжимается всё сильнее. Ненависть можно сравнить с плотиной, которую люди возводят, чтобы преградить путь потокам Божией любви. Кто строит плотины, хорошо знает, что достаточно только острием иглы проделать в ней отверстие, и вся конструкция оказывается под угрозой крушения, поскольку вода просачивается и постепенно прокладывает себе путь. Каждый человек, живущий по заповедям Христовым, даже самым небольшим проявлением милосердующей любви проделывает отверстие в стене греха, и тем самым участвует в окончательном освобождении человечества, которое совершает Бог.

Иерей Димитрий Сизоненко

Борис
Артеменко

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

В жизни каждого человека бывают моменты, когда ты задумываешься, ради чего ты живёшь. Одни находят для себя ответ, другие, не найдя его, прекращают свои поиски. Два года назад ансамблем «Домострой» мы ездили в один из монастырей Архангельской епархии. Это были гастроли и паломничество одновременно. Представьте себе: Крещенский сочельник, праздничные богослужения, Иордань, купание при сорокаградусном морозе, звёздное небо, хрустящий снег под ногами. Ощущение такое, что ты уже не на земле, а оказался в какой-то сказке...

Этот монастырь окормляет детский дом в Холмогорском районе. Когда мы отправились туда, увидели небольшое деревянное здание, старую покосившуюся лестницу, выкрашенную тёмно-синей краской. Каждого из нас окружили дети, держали за руки, в их глазах сквозила величайшая тоска. Сердце замирает от боли при одном воспоминании... Каждый из них за свою, пусть и совсем непродолжительную, жизнь повидал уже много, что иному взрослому «и в страшном сне не приснится». Каждому из них хотелось по сильнее прижаться к тебе и не отпустить долго-долго...

Невозможно словами передать ту шемящую боль, которая сжимала сердце. По нашим лицам можно было понять, что вместо концерта нам бы сесть и всем вместе плакать навзрыд, какие уж тут игры. Но закусили губы и начали...

И через 10-15 минут детей было не узнать: весёлые, смеющиеся, в глазах нет и тени тоски, только сияние, улыбки, радость. Одна игра, другая, они не хотят заканчивать...

Это преображение детских лиц меня настолько тогда поразило: вот ради чего стоит жить! Чтобы поддержать того, кто нуждается в поддержке, чтобы привнести хотя бы мимолётную радость в чужую жизнь, чтобы радоваться вместе с другими здесь и сейчас, а не когда-нибудь потом...

В книге «Отец Арсений» есть такие слова: «Каждый человек что-то должен оставить в жизни: построенный своими руками дом, посаженное дерево, написанную книгу – и всё это необходимо совершить не для себя, а для человека. Чего бы ни касались твои руки, в этом после твоей смерти найдёт прибежище часть тебя. Люди будут смотреть на выращенное тобою дерево или сделанную вещь, и в эти минуты ты снова будешь жить, так как принесёшь им радость, и, вспомнив тебя, они призовут Господне благословение».

Ирина
Левина

О ВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Один проповедник говорил о дарах Святого Духа, после выступления к нему подошла женщина и сказала: «Брат, в нашей церкви нет таких даров». Он ей сказал: «Что ж, они есть в церкви Иисуса Христа. А ваша церковь чья?»

Вопрос о духовных дарах, особенно о даре «различения духов», о котором упоминает апостол Павел в своём Послании к коринфянам (1 Кор. 12, 10), – один из самых притягательных и до конца неясных для меня моментов. Как различать, опознавать природу, понимать источник духовного дара? Да, действительно есть разные способности у людей, но как понять, от Бога ли они. Целители. Пророки. Заклинатели бесов. Чудотворцы. Многие из них призывают имя Божие. Многие приносят людям, по крайней мере на актуальный момент, исцеление и помощь. Видимо, те, у кого есть этот дар, не задаются подобными вопросами!

Недавно я услышала о способе различения природы духовных даров. Я понимаю, что в своих рассуждениях похожа на пятилетнего мальчишку, пытающегося понять и описать работу автомобильного двигателя... И всё же рискну поделиться, потому что мне это помогло во многом разобраться. Удивительно, насколько всё оказалось просто. Во-первых, духовные дары появляются у человека после крещения водой и Духом. Человек, не принявший Христианство, даже чисто технически не может обладать способностями от Духа Святого. То есть он может обладать духовными способностями, но от другого духа. Внешне это может выглядеть, как дары Святого Духа, потому что у сатаны нет фантазии, он может лишь подделывать то, что придумано Богом. И у всех даров Духа есть искусные духовные подделки.

Ещё один важный момент: в Библии сказано, что Святой Дух придёт, чтобы прославить Иисуса Христа (Ин. 16, 14), напомнить и открыть всё, чему Он учил. Человек, у которого ярко проявляются в жизни какие-то духовные способности, должен исключительно ярко славить Христа. Если вся слава достаётся не Богу, а духовному человеку, и он в своей жизни и деятельности прославляет лишь себя?.. Это повод задуматься об источнике его дара. Бывает так мучает жажда, что хватаешь первый попавшийся сосуд с жидкостью. Нет времени на поиски и «различение»: пить хочется сейчас. Льётся, вроде утоляет жажду, вкус непротивный, вполне прозрачна... Сойдёт. И всё же не хочется, когда есть возможность выпить росы с полевых трав, нахлебаться из лужи...

Наталья
Трауберг

УЛИЦА ДЛЯ ПРОХОДЯЩИХ

Много лет мы жили в непрестанном унижении. Это вредно не только для унижающего, но и для унижаемого. Мало тех, кто решится на евангельский ответ и, пройдя сквозь землю, найдёт Царство. Тут ещё надо помнить, что у этого пути есть очень противные двойники — упоённое самоуничижение и преклонение перед силой. Христианин — не христианин, если он может оправдать, чтобы кого бы то ни было унижали. Если ты евангельский путь не принял, то будешь худо-бедно самоутверждаться и пойдёшь по тем ступеням, о которых рассказал отец Александр Ельчанинов в «Демонской твердыне». Дикое слово «я! я! я!», хвастовство, уверенность в своей правоте — и по мирской логике, без чуда, рано или поздно настанет очень печальное состояние. Описано оно миллионы раз, но я повторю коротко, для ясности.

Хочется всеми руководить. Непрерывно делаешь замечания, твёрдо веря в «злое добро». Всё чаще и чаще унижаешь других. Если тронут тебя — истерика или что-нибудь в этом духе. Заметьте, я описываю набожного человека. Неверующий хотя бы не сваливает своей злой досады на Того, Кто деликатен свыше всякой меры.

С такими людьми немислимо трудно. Особенно плохо от них в Церкви — именно они создают тот неповторимый запах, который отпугивает искренних, ищущих людей. С этим связана очень мучительная проблема.

Любой психолог объяснит, что помочь человеку, пока он в таком состоянии, невозможно. Он считает себя здоровым и хорошим. Конечно, теперь нет простодушного фарисея, который так прямо и скажет — все обязательные слова о своих грехах знают и с удовольствием повторяют. Но среди этих грехов мы не найдем ни любоначалия, ни беспощадности, ни патологического эгоизма.

Итак, помочь нельзя, нельзя переубедить, самая суть болезни — в непрошибаемой собственной правоте. Жалость в виде поддакиваний и похвал человек впитывает как губка, начисто высасывая жалеющего. Приходишь к советчику — скажем, к медику, и почти всегда получаешь совет быть жесточе. Наверное, медик иначе ответить не может — что-то вроде плеснуть водой на женщину в истерике. Но по Евангелию — неужели нет ничего другого? Да, не возражать, да — молиться; но неужели нельзя сделать, скажем, экзорцизма радостью и жалостью? Хорошо, «они» хотят только подчинения, похвал и возмущения их врагами, но все-таки зачем создавать жесткостью порочный круг, по которому скачут бесы?

Андрей
Балканский

БЕЗ ПРАВ РЕКЛАМЫ

Вы знаете, что такое франчайз? Если объяснить очень кратко, то этим иноземным словом обозначается покупка права на использование торговой марки. То есть вы, имея достаточную сумму денег, можете открыть заведение, носящее имя известной фирмы, и продавать в этом заведении товары её производства. При условии строгого соблюдения атрибутики, стиля обслуживания, рецептов и тому подобное. Естественно, за соблюдением всех правил постоянно следят из головного офиса. Вы получаете доход за счёт известного имени, а обладатель торговой марки — процент от продаж.

К чему все эти объяснения? Дело в том, что сеть забегаловок McDonald's — одной из самых ярких эмблем победы западной культурной экспансии — это как раз франчайз. То есть «Маки» у нас в стране открывают не американцы, а наши соотечественники, купившие у головного российского офиса компании право на использование их бренда (ещё одно популярное иноземное слово). Так кто же виноват в том, что нас культурно завоёвывают? «Они» — или всё-таки мы сами, которым нечего или лень что-то противопоставить «им»?

«Блин! Доналдс», который явно задумывался как «наш ответ», не стал реальной альтернативой «Маку» именно потому, что был «русским фаст-фудом» — то есть ни тем, ни сем, вместо того, чтобы классической американской быстрой еде противопоставить классическую русскую.

В этой связи радует появление пока немногочисленных, и пусть тысячу раз дубочных и «а-ля рус», но всё-таки наших торговых сетей. С русскими названиями самих заведений и блюд. Согласитесь, что «Теремок» и «Блин с сёмгой» звучат всё-таки привычнее, и не вызывают такого удара по психике, как написанные русскими буквами «Мақдоналдс» и «чикен макнагетс». В славянских языках нет таких звуковых сочетаний, а переводить названия блюд, видимо, нельзя — зарегистрированный товарный знак.

Трудно подвести итог этим размышлениям. «Маки» не исчезнут, пока нет реальной и мощной альтернативы им. Поэтому, друзья — будем пить не колу, а «Николу». Или любой другой квас. Благо, они сейчас (наконец-то!) в достатке. Конкуренция между качественными российскими товарами — вот знак возрождения «отечественного производителя».

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ХРАМА АННЫ КАШИНСКОЙ

На Выборгской стороне, рабочей окраине Петербурга, в 1909 году был освящен храм святой благоверной великой княгини Анны, Кашинской чудотворицы. Это был первый в России храм, прославивший память святой инокини после 230-летнего забвения: 25 июня 1909 года было восстановлено ее церковное почитание, а храм был освящен 31 декабря.

В ЖЕНСКОМ ЕСТЕСТВЕ МУЖЕСКУЮ КРЕПОСТЬ ИМЕЛА ЕСИ...

Ростовская княжна Анна Дмитриевна в 1294 году стала женой тверского князя Михаила Ярославича. У супругов было пятеро детей: дочь, умершая в младенчестве, и четверо сыновей.

На долю княгини Анны пришлись тяжелые испытания. Ее муж, князь Михаил, был зверски убит в Орде (позже причислен к лику святых). Ей суждено было пережить троих из четырех сыновей. Старший сын, Димитрий, был казнен за убийство московского князя Юрия Даниловича, повинного в смерти его отца. После гибели в Орде второго сына Александра и внука Феодора княгиня Анна решила уйти в монастырь. Пострижена она была в Тверском Софийском монастыре. Впоследствии младший сын Василий уговорил мать переехать в специально выстроенный для нее Успенский монастырь в его уделе – Кашине. В монашестве княгиня носила имя Евфросиния, в схиму была пострижена с прежним именем – Анна.

Судьба княгини не была необычной: в то время жены всех русских князей ежечасно опасались за жизнь своих мужей и сыновей, многие теряли близких, а вдовы, как правило, уходили в монастырь. Но княгиня Анна прославилась глубокой верой, мужеством и стойкостью в терпении скорбей. После ее кончины в 1368 году люди поклонялись ее могиле, но прошло время, и ее захоронение оказалось забытым. И только в 1611 году, когда святая явилась во сне болящему пономарю Успенского собора Герасиму, жители Кашина узнали о своей небесной покровительнице. Вскоре были обреты ее мощи, возле которых происходили многочисленные исцеления.

В прославлении княгини-инокини в 1650 году принимал участие царь Алексей Михайлович. Но вскоре произошло единственное в истории Русской Православной Церкви событие – деканонизация святой. Дело в том, что когда обрели мощи святой Анны, обнаружили, что ее рука сложена двуперстно, как было принято креститься в ее время. Этим воспользовались раскольники – дескать, жест святой доказывает верность двуперстного крестного знамения. В 1678 году патриарх Иоаким запретил почитание святой, на ее могиле стали вместо молебнов служить панихиды, но народ не забывал святую Анну: тайно писались ее иконы, ее могиле продолжали поклоняться. В течение XIX века кашинцы неоднократно подавали прошение на высочайшее имя о восстановлении почитания святой. Случилось это только в XX веке, после изданного Императором Николаем II в 1905 году Указа о веротерпимости (в нем старообрядцам была дарована свобода вероисповедания).

БЛАГОЧЕСТНО ВОСПОЕМ АННУ СВЯТУЮ...

В конце XIX – начале XX века на Выборгской стороне православных храмов было всего три,

и два из них – небольшие. Один из старейших храмов Петербурга, Сампсониевский собор, давно уже не вмещал всех желающих. Кроме того, в этой части города велико было влияние секты протестантского толка – пашковцев. Поэтому новый большой храм был просто необходим.

Исторически храм и прилегающие к нему территории были подворьем Кашинского Сретенского монастыря Тверской губернии.

Участок был подарен монастырю в 1893 году потомственным почетным гражданином Санкт-Петербурга Филиппом Петровичем Кручининым, уроженцем Кашина. В 1894 году была построена и освящена деревянная Никольская часовня в память чудесного спасения будущего Императора Николая II в Японии.

Строительство двухэтажного храма с двумя престолами началось в сентябре 1907 года. Проект был заказан епархиальному архитектору Андрею Аплаксину, который с успехом справился с задачей: вписать новый храм в уже существующую застройку Большого Сампсониевского проспекта.

В ноябре 1907 года была освящена вновь построенная каменная часовня, в феврале 1908-го – нижний храм с престолом во имя Спаса Нерукотворного Образа. Главный престол храма освятили, как сказано выше, в 1909 году во имя святой преподобной благоверной княгини Анны Кашинской. Верхний придел, во имя Святителя Николая Чудотворца и во имя святителя Алексия митрополита Московского (небесных покровителей последнего российского Императора Николая II и Цесаревича Алексия Николаевича), был освящен в 1911 году.

Таким образом, в храме было три престола, один располагался над другим – уникальный случай не только для нашего города, но и для всей России. Особенность планировки – обращение главного алтаря и алтаря верхнего придела в общий объем храма. Другая особенность – хоры, устроенные с четырех сторон.

Торжественное освящение храма состоялось в декабре 1909 года. Его совершил митрополит Санкт-Петербургский Антоний в сослужении епископа Гдовского Кирилла, епископа Нарвского Никандра, архиепископов Геннадия и Макария, петербургского, тверского и кашинского духовенства. Император Николай II прислал по случаю освящения храма телеграмму владыке Антонию, в которой говорилось: «Прошу Вас, владыко, принять и передать всем бывшим на освящении храма во имя св. Анны Кашинской мою сердечную признательность за молитвенные благожелания».

ПОСРЕДЕ ТЕРНИЯ...

Судьба храма и подворья, увы, типична для нашей страны в XX веке. В 1925 году безбожное правительство издало указ о закрытии монастырей. Храм был зарегистрирован как приходской, но монашеские постриги на подворье совершались до 1927 года, кроме того, на подворье принимали монахинь из других разоренных монастырей.

17 августа 1932 года большинство монашествующих по всей стране было арестовано. На Литейный, 4, в «Большой дом», привезли и всех монахинь Кашинского подворья. Первоначально арестовали даже престарелую монахиню Анастасию (Лебедеву), которой было 87 лет. Из-за ее глухоты допрос не представлялся возможным, и ее отпустили. Оставшиеся семнадцать монахинь получили различные сроки заключения. Их судьбы неизвестны, как неизвестна судьба священника Михаила Дубенского, который служил на подворье, его жены и пятерых детей. Все были арестованы, сосланы в разные города, в августе 1998-го реабилитированы. Где и как они закончили жизненный путь, где похоронены, остались ли потомки – одному Богу ведомо.

В здании сначала располагалась мастерская скульптора Н. А. Томского, потом – скульптурный цех Комбината декоративно-прикладного искусства: в разоренном храме отливали памятники Ленину и Сталину.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УТРАЧЕННОГО

После перестройки помещение несколько лет пустовало. 15 марта 1994 года храм был возвращен Санкт-Петербургской епархии и стал подворьем возрождавшегося тогда Введено-Оятского женского монастыря. Здание находилось в аварийном состоянии: подвал затоплен, электричества, воды и отопления не было. Пришлось ликвидировать устроенные в алтарной части туалеты (случай даже не частый, а повсеместный: безбожной власти было важно не только приспособить «ненужные» храмы для нужд «народного хозяйства», но и обязательно осквернить их настолько, насколько это возможно).

В 1995 году на Рождество Христово в нетопленном храме была совершена первая после шестидесятилетнего перерыва Божественная литургия. В храме регулярно проводились панихиды и молебны, а с 1997 года были возобновлены Литургии по воскресным дням.

25 июня 1999 года, в день 90-летия второго прославления святой Анны Кашинской, прошла первая служба в восстановленном алтаре.

Ныне богослужения в храме совершаются регулярно по воскресным и праздничным дням. Символично, что храм во имя святой преподобной благоверной великой княгини Анны Кашинской переживает второе рождение – ведь сама святая Анна была прославлена Церковью дважды.

Некогда у подворья была большая территория. В советское время трехэтажный причтовый дом превратился в жилой и был надстроен ещё двумя этажами. Переход между причтовым домом и храмом был разрушен позже, в 1960-е.

Бывший причтовый дом сохранился, в нем до сих пор живут люди, но состояние его плачевно. «Видите, по стенам трещины бегут? – показала корреспонденту «ВЖ» управляющая подворья инокия София (Егорова). – Во-первых, из-за того, что его надстроили, а во-вторых, вокруг идёт строительство новых домов – печально известная «уплотнительная застройка».

Вернуть этот дом подворью не представляется возможным. Сейчас компания «Дальпитерстрой» строит новый причтовый дом из полуразрушенного перехода. «Вот остатки трех этажей, – продолжает матушка София. – Все эти годы так они и простояли. Странно: рядом дом построили элитный, а из его окон – вид на такую разруху. Ну, ничего, Господь управит, будет у нас причтовый дом. Сейчас нашей настоятельнице игуменье Иоанне, когда она в Петербург приезжает, даже посетителей принять негде. И трапезная у нас маленькая, в праздники приходится обедать в несколько «смен», не говоря уж о том, чтобы для высоких гостей обед устроить. И, конечно, в новом доме будут кельи для сестер, а то пока на подворье из монашествующих я одна».

Есть надежда, что средства хотя бы на внешнее благоустройство храма выделит город: храм Анны Кашинской собираются включить в губернаторскую программу по ремонту фасадов. Может быть, на фасад храма вернется и майоликовый фриз, выполненный по проекту Сергея Чехонина (ныне фриз находится в Государственном музее истории Санкт-Петербурга), но говорить об этом пока рано. Многого предстоит сделать и внутри храма, и самое главное – новый иконостас (сейчас создается проект, но средств на его воплощение пока нет).

Настоятельница Введено-Оятского монастыря игуменья Иоанна, управляющая подворьем инокия София, прихожане храма готовятся к празднованию 100-летия прославления святой преподобной благоверной Анны Кашинской и надеются, что к этому времени храм обретет прежнее благолепие, и монастырская жизнь на подворье наладится. И приглашают всех желающих посильными пожертвованиями помочь в восстановлении храма.

Татьяна Кириллина

Фото: Станислав Марченко

ТВОРЧЕСКИЙ САМОАНАЛИЗ

БЕСЕДА С ОЛЬГОЙ БРАТЧИНОЙ

Ольга Братчина — обладатель гран-при Александро-Невского фестиваля православной авторской песни, лауреат многочисленных конкурсов (например, «Благодатное небо», Киев — из недавнего), Она пишет музыку и исполняет свои песни. Они словно выпархивают из её уст и застывают причудливыми узорами в воздухе. Один неловкий взмах ресниц — и калейдоскоп смыслов может рассеяться. Хочется задержать дыхание или дышать тихо-тихо, когда поёт Ольга.

Редко встретишь человека, у которого такая сильная потребность найти свои ответы, выстрадать свое право думать так, а не иначе. Ей важно иметь концептуальную основу всего, чем она занимается. Романтическая внешность, чёткий аналитический ум и хрустальная прозрачность голоса — такой память запечатлела её образ.

Ольга Братчина родилась и выросла в городе Волжске. Сколько себя помнит, с самого детства у неё была потребность петь. Когда она только училась читать, она сразу начала выпевать детские стишки. Она была достаточно скромным ребенком, при этом — когда ехала в автобусе, всегда пела. Шла летом из городского лагеря по улице и распевала песни, которые там учили. Видимо, так начинала пробиваться на свет внутренняя потребность души давать силу переживаниям и мыслям через песни.

В школьные годы Ольга пела в хоре, в 6 классе начала учиться игре на гитаре, в студенческие годы занималась вокалом. Она закончила с отличием художественную школу, но признаётся, что с тех пор рисовала лишь на полях конспектов, и когда просили помочь с оформлением декораций к самодеятельному спектаклю. Рисование — не то, чем горит её сердце. Её внутренний мир стремится выражать себя через музыкальные звуки. Занятия игрой на гитаре дали почувствовать свободу творчества: на них учили музыкальной импровизации с первых шагов. Вокальные уроки после определенного этапа тоже были похожи скорее на мастер-классы с разными вокальными экспериментами, которые помогли Ольге найти свою манеру исполнения.

Ольга закончила Экономический факультет Казанского Государственного Технического университета им. А.Н. Туполева. Уже год живёт в Петербурге, работает финансовым аналитиком, поёт на клиросе церкви святых Новомучеников и Исповедников Российских, участвует в разнообразных конкурсах авторской песни, регулярно выступает на вечерах авторской песни в Духовно-Просветительском центре «Святодуховский», является инициатором проведения творческих вечеров «Душа с душою говорит» для молодёжи православного клуба «Чайка».

О своей жизни, искании смыслов, дороге в храм, о творчестве и опасностях творческого пути, о своих песнях и о многом другом Ольга Братчина рассказала корреспонденту «Воды живой» Ирине Левиной.

Ольга, расскажите о своём пути к вере.

– У меня всегда было ощущение, что есть Господь, Он знает и видит все, что я делаю, к Нему можно обратиться, и Он поможет. Во времена моего детства наша семья ещё не была воцерковленной, не хватало какого-то религиозного знания, но было живое ощущение Бога, были добрые представления о вере, заложенные мамой и бабушкой.

Когда начался период взросления, стали подниматься вопросы о смысле жизни... Раньше была радость и ясность, и вдруг – не стало. Тогда началась очень серьёзная работа души. Настолько серьёзная, что сейчас удивляюсь, как смогла пережить все эти свои глобальные вопросы. Было очень много «почему?» и «почему так отвечает Церковь?». И это было актуально не столько потому, что была какая-то конкретная жизненная ситуация, трагедия, в которой мне надо было определиться и найти ответ. Мне нужно было вернуть внезапно отшатнувшийся маятник на место. Жизненно необходимо было понять себя, познать Бога, которого я перестала ощущать, как в детстве. Необходимо было пересмотреть и расширить свои знания, сориентироваться духовно.

Мне хотелось привести в соответствие своё сердце и голову. Я чувствовала, что можно много думать, всё логически выстроить, а сердце будет несогласно. Меня волновали вопросы о человеческом «я», о соотношении: «я» и Бог, о красоте, о любви, об отношениях людей...

– Остались ещё не до конца осмысленные вопросы?

– Той остроты поиска сейчас нет. Есть вопросы, на которые ищутся ответы, но без надрыва. Постоянно сталкиваюсь с чем-то новым, например, в отношениях с другими людьми. Происходит более глубокое осмысление на основе того фундамента, тех представлений, которые уже есть. Они расширяются. Что-то открывается, пересматривается, предстаёт в другом свете. Невозможно останавливаться в своем движении, и обстоятельства мне этого не позволяют – всегда есть над чем подумать.

– Когда Вы пришли в Церковь, и что Вас там встретило?

– Самый острый момент исканий пришелся на 18 лет. И в этот период метаний я пришла в Церковь. Пришла не от эйфории, не от духовного опьянения, а потому что мне было очень тяжело. Я ощущала сильную внутреннюю духовную и душевную нагрузку. Как уже говорила, ориентир у меня всегда был на Православие. И где искать помощи и утешения, как ни в Церкви?! Но всё подлежало осмыслению: почему так? Мама меня ругала за такое глобальное мышление.

Мне было очень важно видеть опыт других людей, которые уже давно в церкви. Одно дело богослужение, Исповедь, Причастие – это Божия

помощь, которая независимо от того, готов ты её принять или нет, действует. Другое – жизнь в приходе. Мне повезло, я попала в очень дружный, творческий приход храма в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость г. Волжска (это мой родной город). Там замечательный настоятель – отец Александр Михайлов. Он активно вовлекал молодёжь в жизнь прихода, организовывал молодёжную общину, было очень интересно! За общением с бабушкой и прихожанами, чаепитиями, послушаниями, творческими программами, работой в православном детском лагере происходило знакомство с Православием изнутри.

– Почему Вы начали сочинять песни?

– От желания и необходимости, наверное. Мне хотелось петь, но такие песни, чтобы при их исполнении не спотыкаться ни на каком неприемлемом для меня слове, ни на какой мысли. К примеру, слушала рок музыку, но какие-то вещи вызывали несогласие, я не могла позволить себе спеть другим то, что меня смущало. Ещё было участие в творческих программах, для которых нужны были песни, а их не было, но были стихи!

– Как рождается песня?

– «От избытка сердца глаголют уста!» Вот стихотворение, и оно резонирует с внутренней готовностью, переполненностью, переживаниями. Но в тоже время рождение песни – это путь, работа, осмысление, озарение... И милость Божия! Одно время я очень остро чувствовала: эта песня может быть последней. Да и сейчас так. Песня получилась, и я её отпускаю. Ко мне подходят иногда и говорят: «Как, наверно, здорово чувствовать, что ты исполняешь свою песню!» Здорово, но у меня нет такого ощущения, смакования, что это моё с большой буквы «М»! Это то, чем хочется поделиться, за что не стыдно. Говорят, что наше – это только грехи, всё остальное – Божие. Я особенно чувствую, что это моя песня, когда в ней что-то не так.

– Человек – инструмент в Божьих руках?

– Человек, особенно творческий, так или иначе, сталкивается с переживанием «моё – не моё», где я творю, а где Бог. Любого может смутить мысль, что он – просто инструмент. «Я вкладываю свою душу, у меня есть какие-то способности...» В формулировке «я – всего лишь инструмент» чувствуется ущербность. Такое понимание, на мой взгляд, полуправда, и может оттолкнуть от Бога. Для меня важно представление о со-творчестве, со-работничестве с Богом.

Если рассуждать на тему: соотношения я и Бог, то неизбежно выходишь на уровень проблемы гордыни. Мне кажется, очень важно всем сердцем осознать, что Бог над – над всеми миллиардными я. Поставить себя в центр и над другими людьми в любом деле, которое ты делаешь, – это просто смерть! Человек, который хотя бы издали с этим соприкоснулся, ощущает, что это путь самоуничтожения. Творение не может быть выше Творца.

Любое дело будет хорошим тогда, когда душевно-духовный канал открыт для Бога и людей, не замкнут на себе. Тогда будет ощущение простора, полноты и радости жизни.

Господь доверяет что-то делать: будь добр, неси. Это огромная милость, огромная радость, которая не исключает твоих трудов, переживаний, страданий. Господь может доверить многое. Например, выступление перед многомиллионной аудиторией. Но это огромная ответственность за слово, за мысль, которую ты несешь. Для меня всё сводится к доверию Господа к человеку. Это касается абсолютно всего – любого дара, способности.

– Чувствуется, что для Вас очень важно всё обдумать заранее...

– Не всё можно и нужно обдумывать заранее, но всё подлежит осмыслению. За любым важным делом, занятием стоит определенная концепция. Мне всегда в этой связи вспоминаются единоборства. Это не просто махание кулаками, техника боя, реакция. За всем этим стоит определенная философия. И для меня важно понимание – для чего, для кого ты что-то делаешь? Поёшь, например. Если для того, что бы о тебе говорили, мне это неинтересно.

– Что помогает и что мешает раскрыться во время выступления?

– Всё завязано на внутренней составляющей: насколько я собрана и готова отдавать. Насколько меня ничего не смутило, не рассредоточило. А самое главное – есть ли в сердце любовь, трепет. Когда выступление продолжительное, многое зависит от слушателей. Посыл идёт и от тебя, и от зала. Если зрители тебя тепло принимают, особенно раскрываешься в песне. Это неопишуемая радость! Часто на концерты приходят настолько открытые и щедрые люди, что они ещё подойдут и поделятся своими добрыми впечатлениями!

Волнение, невозможность понять, как зал воспринимает песню, неправильный настрой, плохое самочувствие – всё это может помешать. Иногда у меня бывает состояние переполненности, избытка чувств, и в таком состоянии очень трудно петь.

Неуспешное, не такое, как хотелось бы, выступление – необходимый опыт, даже неизбежный. Мне кажется, Господь беспокоится о человеческом сердце, чтобы в нем всё последовательно выстраивалось и ничего не повредилось. А с Божией помощью даже в очень плачевном физическом или эмоциональном состоянии можно хорошо выступить.

– Какое послание Вам хочется нести людям? С какими мыслями и чувствами, чтобы они уходили?

– С добрыми чувствами, чистыми, светлыми образами, ощущением, что им что-то подарили искренне, от сердца. С размышлениями о чём-то очень важном!

– А есть ли миссионерские цели у Ваших песен?

– Это сокровенный вопрос. Миссионерская цель есть, но она присутствует не навязчиво, даже для меня самой. Мне хочется, чтобы через личностное восприятие у людей возникало доверие к тому, чем я живу. Я выступаю и перед православной, и перед светской аудиторией. У меня есть духовные песни, и с православной публикой я могу делиться переживаниями, которые нам понятны, мы вместе радуемся, что у нас есть такое богатство. В случае светской аудитории есть самоограничения в выборе репертуара, чтобы не быть навязчивой. Вообще «светских» песен у меня намного больше. Но тем не менее, мой образ жизни, мировоззрение, образ мыслей находят в них отражение. А значит, и моя вера.

Вера – не то, что нас ущемляет во имя каких-то идеалов, напротив, позволяет раскрываться. Это и есть сама жизнь, нормальная, полнокровная, и она просачивается сквозь песни, которые я пою. Это может быть воспринято другими людьми даже без какой-то открытой проповеди. Мне сложно это сформулировать... То, что в тебе настоящее, живое, что созрело, будет неизбежно изливаться через то, что ты делаешь. Я могу, например, не употреблять каких-то слов, которые, к сожалению, считаются обязательными в православной песне, но при этом передать сам дух с Божией помощью.

Ещё такой момент – вот стихи, они хорошие, но в них может быть зерно неоднозначности, в том смысле, что они кем-то другим, живущим по-другому, могут быть восприняты иначе. Но можно через музыку, через голос настроить людей на своё понимание. Это для меня очень ценно.

– Вы не так давно начали петь в церковном хоре. Что этот опыт значит для Вас?

– На клиросе я стала петь около двух лет назад. Воспринимаю это как очень большую ответственность и большую радость. Сначала пела в Казани в Благовещенском соборе, сейчас – в часовне Новомучеников и Исповедников Российских. Чаще, чем по воскресениям, к сожалению, не получается. Пение в церковном хоре даёт мне ощущение непосредственного участия в службе и радость от возможности именно такого служения, где нужно петь! И очень дисциплинирует в том смысле, что приходится на службу нужно вовремя, даже без минутного опоздания. Потом не поднимаешься на хоры – такое расстройство!

– Расскажите о творческом проекте с клубом «Чайка».

– С клубом «Чайка» знакома давно, по приглашению «чайкинцев» не раз гостила в Петербурге.

А когда переехала в Питер, влилась в клубную жизнь. Как-то пришла идея: есть люди, которым есть чем поделиться, есть желание и возможность встреч, почему бы ни организовать творческое общение? Цикл вечеров «Душа с душой говорит» – это альтернатива посиделкам, возможность поделиться своим творчеством или «любимым чужим», что-то вынести для себя, узнать новое о людях, подчас давно знакомых. Первые такие встречи проходили в помещении клуба «Чайка», последняя – в приходском доме Феодоровского собора. Первый вечер был таков, что нужно было буквально вытаскивать всех за руку, несмотря на то, что собрались друзья, знакомые друг другу люди. Второй вечер был масштабнее, и уже никого не нужно было вытягивать за руку. Это радость и восторг, когда человек раскрывается, когда узнаёшь знакомых людей в новом качестве!

Моя (да и наша общая) задача – раскрепостить людей, чтобы прошло волнение, создать дружескую теплую атмосферу на вечере, чтобы каждый почувствовал, что его не осмеют, не освистают. Можно не бояться впервые в жизни прочитать свои стихотворения на публику. Профессионализм ставится далеко не на первое место на наших вечерах. Важна способность открыться и поделиться, с другой стороны, – способность воспринять и поддержать другого. Это пока закрытый проект – в основном для «Чайки» и друзей клуба. Надеюсь, он будет жить и развиваться!

– У Вас настолько разные профессия и увлечение. А коллеги на работе знают Вас в другом качестве?

– Когда я только устроилась на работу, решила, что для своих коллег хочу быть только финансовым аналитиком. Необходимо было утвердиться в этой роли. Сейчас чувствую желание и готовность поделиться с ними своим творчеством, но не в рамках застольного развлечения, а на другом уровне. Пока такого повода не было.

Фото: Станислав Марченко

НЕ МЕНЯЯ МАСОК

Как уживаться с лицедейством.
Не заразиться тщеславием
и себялюбием. Совместить веру
в Бога и театр...

Об этом и многом другом —
в интервью с актрисой
Молодежного Театра
на Фонтанке **Надеждой
Рязанцевой.**

Фото из архива Надежды Рязанцевой

СО СЦЕНЫ – В ЖИЗНЬ, И ОБРАТНО

Я представляю себе профессию актёра образно – человек выходит из себя и пускает кого-то другого. Часто – гораздо более порочного, чем он сам, потому что сцена театра светского, как правило, отображает время, все его недостатки и играет на человеческих страстях. Не рождает ли это внутренний конфликт?

– Наверно мне повезло, потому что я редко играла роли, которые бы противоречили моим принципам, как человека верующего. Не притягивала к себе некую сущность извне. Большинство ролей, которые я играла, – были сотворены из моих личностных человеческих качеств. Сотканы из меня самой. Кончита в «Юноне и Авось» – это тема любви, Хари в «Солярисе» – тоже жертвенная любовь. Собственно, этот спектакль стал для меня судьбой, потому что Криса играл мой будущий муж. И наши чувства были унесены со сцены в жизнь... Либо получается по-другому. Если роль «не моя», то она становится моим собственным исследованием другого человека

в других обстоятельствах. Например, мы ставили спектакль «Упырь», и мне досталась, так сказать, упырьша. Я хорошо помню – в первый момент почувствовала жуткое неприятие, невозможность существования в этой роли. Желание отказаться. Потом подумала – ведь можно отнести к этому как к исследованию подобных явлений.

– Наверно вспомнили Гоголя, который достаточно красочно и правдиво описывал аналогичное?

– К тому же это тоже прекрасный автор, Алексей Толстой. И классическая история упыря достаточно хорошо решалась через юмор. Поневолу заставляла задуматься, – где ты находишься, кто рядом с тобой, и я не почувствовала, что теряю себя.

Или роль сестры жены маркиза Де-Сад, в одноимённой пьесе Киоко Мисимы «Маркиза Де-Сад». Мне приходилось играть очень непростые отношения с маркизом, но я всегда думала о том, что на этот спектакль придут и совсем юные девушки. Они посмотрят и поймут, что в жизни не всё так просто и что в погоне за удовольствиями можно впустить в свою жизнь очень серьёзные проблемы.

– Надежда, Вы взрослый, состоявшийся в профессиональном плане человек. Но это сегодня. А если взглянуть назад?

– В Ленинграде я оказалась по воле Божией, приехала сюда из провинции. И мне казалось – раз я в театре, да ещё, в Академическом театре Комедии, значит, будет работа, будут роли. Но театр огорошил меня своей спецификой. Нужно было себя заявлять, пробиваться, а я впала с моим не пробивным характером в состояние депрессии. И в этот период совершенно перестала понимать, где белое, где чёрное. Потерялась. Я жила на улице Маяковского, просыпалась под звуки колоколов, о церкви задумывалась, но совсем её не знала. Наступил такой серьёзный момент, когда я однажды вышла из дома на улицу и подумала – куда мне? Нева – налево. Храм – направо. Я выбрала храм. Была вечерняя служба. Я помню очередь к батюшке в Спасо-Преображенском соборе, себя в ней. Помню, как священник поставил мне маслицем крестик на лбу. И упавшую пелену с глаз, как просветлело в голове, как возрадовалась душа. Жизнь представилась в совершенно другом свете, и моё место в ней тоже. С тех пор я стала ходить в храм постоянно.

«ХОРОШИЕ ЛЮДИ НУЖНЫ ВЕЗДЕ, В ТЕАТРЕ – ОСОБЕННО»

– И наступил период чудес?

– Я бы не сказала об этом именно так, была обычная жизнь, с поисками своей темы. Меня заметил режиссёр Лев Стукалов. Он тогда ставил «Юнону и Авось» в рок-театре, искал Кончиту. Тема жертвенной любви на тот момент была исключительно моей темой, мне не нужно было ничего играть. Спектакль получился. Дальнейшим развитием этой темы стала роль Хари в «Театре на Литейном». Мы с Александром Рязанцевым, игравшим роль Криса, поженились, родили сына. Потом начался период безвременья – конец 80-х – 90-е годы. Зритель перестал ходить в театр. У меня был маленький ребёнок на руках. И никакой проблемы выбора – семья или сцена, потому что я уже знала, все приоритеты должны быть на стороне семьи.

– Тем не менее, Вы почему-то сменили театр...

– Наступил кризисный момент. Но Бог каждого человека ведет таинственно, и подобные состояния – это всего лишь возможность уйти в другую плоскость. Всё изменить в жизни и таким образом перейти в новое качество. Обрести новые условия существования, новые возможности творчества. Однажды я попала в Молодёжный театр на Фонтанке на «Грозу». И сразу почувствовала – это театр душевный, позитивный, что во главу угла здесь ставится принцип – дать людям силы жить! Когда я подошла к главному режиссёру театра Семёну Спиваку с благодарностью за прекрасную постановку «Грозы», тут же получила от него предложение перейти в Молодёжный. С радостью сделала этот шаг. Очень симво-

лично, что мне в тот момент было 33 года, Христов возраст, время менять жизнь. Я с удивлением узнала, что оказывается Спивак видел и мою Хари, и мою Кончиту, и вообще внимательно наблюдал за моим творческим путем и тоже чувствовал во мне что-то близкое своему театру.

– Но для Молодёжного Театра на Фонтанке 90-е годы тоже были непростыми?

– Да, это было затишье театральной активности, время, когда появлялась всего одна премьера в два года, Семён Спивак то уезжал, в Москву, то возвращался. Но у меня была своя богатая внутренняя жизнь, я видела, что Господь меня определил. Я растила сына, ходила в храм, иногда говорила священнику: «Какой ужас, батюшка, я актриса». И получала неизменный ответ: «Хорошие люди нужны везде, в театре – особенно. Раз Вам Господь ничего больше взамен не предлагает, выполняйте своё предназначение, обрабатывайте Богом данные таланты».

– Таланты?..

– Именно во множественном числе, потому что я к этому моменту активно занялась преподаванием в театре лечебной хореографии (сказалось и моё хореографическое образование). Началось всё с нескольких моих подружек, потом выросло в группы. Именно в этом я почувствовала свою полную реализованность в плане помощи людям. Потому что видела, заброшенное тело создает много проблем для души. Дворяне не зря учили своих детей ходить с прямой спиной, держать осанку. Мы же эту классическую культуру потеряли, и в результате, получили множество проблем: от остеохондроза до рано возникающего слабоумия. Я заметила, стоит человеку распрямиться, во-первых, ему уже неудобно ходить согбенным, во-вторых, мир видится иначе. Ведь если человек гнётся к земле, то ему и неба не рассмотреть. А распрямляется – и духовные вопросы вырастают. Шутка шуткой, а человек действительно начинает ощущать собственное тело, как храм Божий.

О ПОДМЕНЕ ПОНЯТИЯ ЛЮБОВЬ

– И всё-таки, Надежда, что Вы в театре не принимаете категорически?

– Мне сложно ответить на этот вопрос. Потому что театр, таков каков он есть. И мне его не переделывать. Я могу от себя чего-то требовать, от театра – нет. Могу сказать только о том, что меня в современных театрах огорчает. Это отсутствие желания сеять разумное, доброе, вечное. Потому что коммерциализация, потому что зритель хочет развлечений, спектакли превращаются в шоу, уходит нравственность. Для меня это вообще и не театр уже.

– Это всё из-за денег, из-за необходимости выживать?

– И из-за них, и из-за отсутствия культуры, которая изначально должна быть в людях, воспитания, которое даёт нравственные ориентиры, объ-

Фото: Светлана Аксенова

ясняет, что хорошо, что плохо, что можно, что нельзя. А когда всё на потребу?! Театр очень зависим от людей. А люди таковы, каково общество. Они болеют всеми его болезнями. В результате, театр сегодня ориентируется в сторону усиления эмоций, которые подкрепляют страсти, раздражающие общество.

– Это очень страшно, когда на сцене те же страсти, которые бушуют в жизни. Потому что ненормально для души. И даже если человек не ходит в церковь и не задумывается над своим внутренним устройством, он всё равно устаёт от всего этого...

– И иногда перестаёт быть в театре. Но к счастью меня Бог миловал в отношении подобной работы, потому что наш театр можно назвать не духовным

конечно, но душевным – однозначно. А прорывы в духовные сферы – это всегда очень сложно, вести туда весь театр сложно, жёстко отбирать пьесы, отбирать актёров.

– Вы играли Кончиту, играли высокие чувства, высокие отношения. Были поставлены этой ролью выше реальности, которая уже стремительно меняла ориентиры и в этой сфере... А что сейчас?

– Сейчас очень силен аспект чувственности, и он настолько гипертрофирован, что происходит подмена понятия любовь. Я ещё застала остатки того ТЕАТРА, пусть кондового, пусть советского, но без этого сегодняшнего болезненного интереса к телесной, чувственной основе. Чистая любовь, ставящая совершенно иные акценты

сегодня – крайне редкое явление. Мне очень грустно, потому что на этом воспитывается поколение.

– Многие люди сегодня признаются, что вообще не способны любить...

– Как людям верить в любовь, если таковая на их жизненном пути не встречалась. А достойных образцов искусство не показывает. И жизнь их даёт нечасто.

– Вы считаете, что театр призван воспитывать человека?

– Нет, это скорее удел педагогики. Театр может лишь направить человека. Ведь мы все так или иначе реагируем на чей-то эмоциональный опыт и задумываемся над собственными проблемами. Искусство через сопереживание направляет зрителя в нужную сторону.

ПИРОГ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

– Что Вы можете сказать о современной драматургии?

– Молодое драматургическое поколение – очень депрессивное. Мой сын, студент отделения режиссуры Театральной академии пытался найти хорошую молодёжную современную драму. И не сумел, сказал, что это невозможно, всё больное. Видимо, речь идёт о серьёзной деформации Богом данной человеческой природы в современной среде.

– А как Вы сына воспитывали – белой вороной?

– Сашу «клевали» в обычной школе, во дворе. Непохожий на всех, он был как красная тряпка. Его провоцировали на драки, мы меняли школы. Но всё равно я, кроме своих бесконечных молитв, ему ничем помочь не могла. Всё прекратилось только тогда, когда он попал в философско-богословскую школу при Институте философии и богословия. Вот туда он со своей индивидуальностью и православным воспитанием вписался прекрасно. А мы с мужем вздохнули и «увидели небо в алмазах». Это было три года счастья, я провожала сына в школу и не чувствовала стра-

Фото из архива Надежды Рязанцевой

ха. Да и сам он бегал туда как на праздник и раскрылся во всех своих способностях. Правда, в Театральной академии он столкнулся с теми же проблемами.

– Надежда, Ваш муж Александр Рязанцев – актёр Театра на Литейном. Мужчинам актёрам воцерковиться всегда сложнее. Но тем не менее вас часто можно видеть в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» вместе. Так было всегда?

– Александр всегда с уважением относился к моей вере, хотя долго не воцерковлялся сам. Мы вместе уже двадцать лет и пережили очень сложные ситуации. Ведь актёрские семьи очень трудные семьи. Они эмоциональные, взрывные, если нет внутренних духовных установок на терпение, смирение, то семьи распадаются. То, что я ходила в храм, меня удерживало в критические моменты от резких шагов. Если мне священник говорил «потерпи», я безоговорочно слушалась, терпела, и всё складывалось. Три года назад мы повенчались в Скорбященском храме, сейчас вместе причащаемся, семейная жизнь перемололась и получилась мука, из которой печется очень красивый пирог.

– То есть, главное – не давить?

– Нельзя этого делать, особенно в отношении людей творческих, эмоциональных. Мне сын в 15 лет сказал: «Мама, не дави, я должен сам выбрать!» И он выбрал, по внутренней стойкости сейчас даёт мне фору. Меня не хватает, что бы после вечернего спектакля полностью прочитать вечерние молитвы, а он молится, как положено, даже если очень устал. Я тихо радуюсь.

НЕОБЫЧНЫЙ ХРАМ

– Мало выбрать храм, очень важно найти «своего» священника. Это одна из основных проблем в нынешней духовной жизни многих людей...

– Настоятель нашей Скорбященской церкви о. Вячеслав Харинов имеет прекрасное об-

разование, он человек необычайной глубины, свободно говорит на многих языках, что особенно нравится моему сыну. Сам он в прошлом профессиональный музыкант, а это значит, умеет понимать творческих людей, и их мир ему близок. Он очень меня поддерживает, когда говорит: «Если мы приумножаем добро, то мы служим добру. Если зло, то служим злу. А то, что добро, то богоугодно, и театр тоже может быть богоугодным». У нас очень необычный храм, на службах можно увидеть многих известных актёров, музыкантов и, конечно, я могу воспринимать всё это как Божий подарок. Мы оказались здесь очень банально – просто, шли и зашли...

– Год назад отец Вячеслав даже освятил Ваш театр?

– Театр освящается уже дважды. Первый раз это случилось 15 лет назад, когда ставилась «Гроза». Спектакль буксовал, не шёл. Стали говорить о том, что Александр Островский всё-таки автор верующий, пригласили священника, ситуация преломилась. Два года назад Семён Спивак начал ставить Дон Кихота, и опять тоже самое. О. Вячеслав был встречен в театре с доверием. Я помню тот

день, мы ходили за ним следом, подпевали, крестились. Сейчас у нас в театре на специально отведённом для этого месте стоит дивная икона Божией Матери. В июне, наконец-то, выходит спектакль «Дон Кихот», в котором я играю роль Антонины, племянницы Дон Кихота.

После освящения многие наши актёры стали окормляться в Скорбященской церкви, которая стала для них маячком чтили. Второй режиссёр Мария Староверова вымолила себе здесь ребёночка, Роман Агеев крестил дочку Марфу. Наша актриса Марина Ордина брала благословение на брак.

– Кому в театре проще мужчине актёру или женщине актрисе?

– Думаю мужчине. Он цельнее, физически крепче, ему легче сконцентрироваться, перед ним не стоит вопрос семьи, детей так, как перед женщиной. Которая, жертвуя собой ради профессии, теряет Богом данное предназначение. Впрочем, меня эта чаша минула...

Беседовала Светлана Аксенова

МИССИОНЕРСТВО ИЛИ ДИКОСТЬ?

БЕСЕДА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ БУДНИКОВЫМ

«САША, САША, КУДА ТЫ ПОПАЛ!...»

тец Александр, кто Вас самого привёл в храм? Вы из верующей семьи?

– Какое там! Я из самой что ни на есть «атеистической» семьи... С родственниками у меня была самая настоящая «идеологическая борьба». Когда мне было восемнадцать лет, и они узнали, что я был на службе в Александро-Невской Лавре, это вызвало такую бурю возмущения – мол, «Саша, Саша, куда ты попал!» Все пытались меня «проработывать», стыдили, напоминали про Гагарина, который «в космос летал и Бога не видел»... Тогда ведь действительно молодой человек в храме представлялся каким-то нонсенсом – в ленинградских церквях

семидесятых годов были, как говорится, одни платочки...

– А откуда Вы вообще впервые узнали о Церкви – не можете вспомнить?

– Как это ни парадоксально, но, наверное, из Музея религии и атеизма, который находился тогда в Казанском соборе, и из всяких анти-религиозных брошюр. Тогда другой литературы о Церкви не было в свободном доступе.

– А что повлияло на Ваш жизненный выбор, почему Вы всё это восприняли критически и всё-таки повернулись к вере?

– Это было под влиянием чтения, в первую очередь, под влиянием книг Фёдора Достоевского. Читая его, я переосмыслил всю свою жизнь. А потом мне повезло. Я работал после школы на почте, а под зону обслуживания нашего отде-

ления подпадала тогда Духовная академия. И вот я там познакомился с умными ребятами и благодаря им попал в церковную среду. И мои приятели так меня «перенастроили», что я уже в девятнадцать лет поступил в семинарию.

ПОЛАГАТЬСЯ НУЖНО НА ОГОНЬ ДУШИ

– Ваш рассказ показывает, какую огромную миссионерскую, если можно так выразиться, роль играла в советское время классическая русская литература. Но ведь сейчас люди гораздо меньше читают. Может, сегодня Церкви стоит больше внимания уделять другим носителям информации – более современным?

– Я считаю, что литературу, книги ещё не стоит сбрасывать со счетов. Конечно, мы живём в XXI веке и нужно осваивать новые электронные технологии, – но ведь за ними не угонишься, они сменяют одна другую очень быстро... Думаю, это миф, что какой-то один вид СМИ нас спасёт. Нельзя полагаться на технологии.

– А на что тогда стоит полагаться?

– Нужно полагаться на «огонь души». Ведь у ранних христиан не было никаких электронных средств связи, не было подчас ни денег, ничего, – но они готовы были за Христа пойти на смерть, готовы были к тому, что их бросят на съедение львам. Сегодня тоже есть такие христиане, но их очень мало. В основном люди у нас какие-то «теплохладные», вот что тревожит больше всего.

ВНУТРЕННЯЯ МИССИЯ

– Какая часть нашего общества, на Ваш взгляд, сейчас особенно нуждается в миссии Церкви? Кому в России больше всего не достает христианского просвещения?

– Я считаю, что сегодня очень важна так называемая «внутренняя» миссия. Ведь только пять-шесть процентов людей в нашей стране являются постоянными прихожанами храмов, участвуют в богослужениях, – а остальные-то, даже считающие себя православными, заходят в храм только свечку поставить! И то не знают, как. Разве эти люди не нуждаются в проповеди? Ведь они христиане только по имени, а по мировоззрению, по образу жизни очень далеки от Церкви.

– По Вашим наблюдениям, где таких «номинальных» православных больше – среди молодёжи или среди людей старшего поколения?

– А это совершенно не зависит от возраста. Сейчас и молодёжь, и старики есть самые разные.

– А как Вы считаете, нужны какие-то специфические формы миссии для молодёжи? Не стоит ли развивать какие-то современные формы проповеди?

– Думаю, конечно, нужно это делать, но заниматься этим надо очень осторожно, не впадая в крайности. Потому что подчас, если священник

одевается, как рокер, и гоняет на мотоцикле, то это выглядит слишком уж экстравагантно. Одних это привлечёт в Церковь, но, скорее всего, ещё большее количество это как минимум введёт в соблазн или смущение. Другое дело, если молодой батюшка просто поедет с группой ребят куда-нибудь за город или на море, и будет там участвовать в каких-то даже спортивных или развлекательных программах, – это вполне нормально. Вообще, говоря о воцерковлении молодёжи, я бы отметил положительную роль воскресных школ. Она уже заметна: те ребята, что пошли в воскресные школы в начале 90-х, сегодня уже в основном женились, родили детей и целыми семьями посещают храмы. А многие из выпускников воскресных школ уже стали священниками.

ТРУДЫ И ДНИ

– Чем занимается сегодня Миссионерский отдел Епархии?

– У нас есть кабинет в Епархиальном управлении, недавно мы там сделали ремонт, поставили технику, открыли библиотеку. Туда приходят люди за консультацией – чаще те, кто попали под воздействие какой-то секты, или их родственники. Мы оказываем им посильную помощь, даём советы, рекомендации. Мы ведём свою базу данных о различных религиозных учениях, которой желающие могут воспользоваться. Ещё у нас в плане – организовать контроль за содержанием литературы, продаваемой в церковных лавках Епархии, – чтобы там не было суеверий и искажения православного вероучения. Мы уже начали это делать, но пока дело продвигается очень не просто.

– У Вас есть помощники?

– Первоначально я был совсем один. Теперь кроме меня в отделе уже два постоянных сотрудника – протоиерей Георгий Иоффе и Валерия Александровна Рачкова. Остальные помогают нам на добровольных началах.

– Вы делаете что-то для решения кадрового вопроса, как-то готовите людей к миссионерской деятельности?

– Да, несколько лет назад мы открыли в Епархии Миссионерские курсы, там пока немного выпускников – человек двадцать, они помогают нам как добровольцы. Если будут финансовые возможности, – мы увеличим число постоянных сотрудников.

– Как люди могут попасть на эти курсы, и чем они смогут заниматься по их окончании?

– Приём мы осуществляем по результатам тестирования – без этого никак, потому что нам нужны нормальные, психически здоровые и хотя бы относительно молодые люди. Они слушают лекции, участвуют в семинарах. Потом мы привлекаем их к разным формам служения, например, они могут читать просветительские лекции

или быть консультантами при храмах, или организовывать какие-то миссионерские поездки.

– **Что является главной сложностью в развитии Вашей работы?**

– Сложности эти – финансовые. Потому что, чтобы люди работали постоянно и профессионально, им надо платить какую-то зарплату. Чтобы организовать курсы, нужно оплачивать труд лекторов. Печать любых изданий тоже стоит денег. А спонсоров, к сожалению, у нас крайне мало.

– **Вопрос, может быть, не очень приятный, но актуальный: с чем это связано? Ведь сейчас повсюду говорят, что в стране много денег...**

– Сложно сказать. Почему-то сегодня очень неохотно предприниматели жертвуют на просвещение. Почему люди предпочитают вкладывать свои средства в «камни», а не в живую проповедь? Они очень активно жертвуют на строительство церковных зданий, – но не на литературу, издательства, воскресные школы, миссионерские курсы. Может потому, что у людей такое материалистическое сознание, им нужно видеть конкретный результат: вот, мол, стоит храм, на него можно пальцем показать. А с образованием, с миссионерством так не получается. Думаю, что это наследие советской эпохи, и ещё не одно десятилетие мы будем это преодолевать.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

– **Кто в Ваших глазах является самым выдающимся миссионером в современной Русской Православной Церкви?**

– Для меня это митрополит Кирилл (Гундяев). Я считаю, что его «Слово пастыря» на телевидении – это очень важное дело для нашей Церкви сегодня. Пусть всего пятнадцать минут, но его может увидеть огромное количество людей, и он очень живо отвечает на самые сложные подчас вопросы.

– **А как Вы смотрите на деятельность отца Андрея Кураева?**

– Тут у меня двойное впечатление. Он очень умный, образованный человек. Но у меня вызывает сомнение форма его деятельности – всё-таки священник в традиционном понимании должен быть связан с конкретным приходом, а не разъезжать повсюду как «вольная птица». Всё-таки священнослужитель в первую очередь должен совершать служение в храме у престола, а остальная деятельность – она дополнительная.

– **В плане книг – кого из православных писателей-миссионеров Вы могли бы выделить?**

– Конечно, отца Александра Меня. Из современных миссионеров лучше книг пока никто не написал.

Он тысячи людей привёл к вере, включая Александра Исаевича Солженицына. Можно критиковать его мысли и с чем-то не соглашаться, но надо помнить, в каких условиях писались эти книги. Тогда не было той свободы, тех условий, что есть сейчас, тогда все священники ходили под «колпаком» КГБ, и миссия была запрещена, – поэтому по тем временам отец Александр проявлял невероятную смелость. Какие-то фанатики и антисемиты возводят на него нелепые обвинения, даже еретиком его называют, – но всё это беспочвенно. Это был настоящий подвижник веры, и смерть его это подтверждает – он погиб по пути на Литургию. Я думаю, что он был мучеником за веру и отдал жизнь за свою проповедь.

СОВРЕМЕННЫМ ЯЗЫКОМ

– **Как Вы считаете, в какой степени проповедь Церкви может быть современной?**

– Проповедь может быть современной в том смысле, что жизнь идёт вперед. Церковь – это не какой-то мёртвый, «законсервированный» институт, она – живой организм. Поэтому мы должны говорить с современными людьми современным языком. Иначе мы превратимся просто в музейный экспонат, – как того и хотела когда-то коммунистическая партия...

– **Сейчас в Русской Православной Церкви довольно широко обсуждается возможность чтения Евангелия на русском языке за Литургией, произнесения каких-то дополнительных поясняющих фраз в ходе богослужения, с тем, чтобы уже сама служба была «миссионерской». На ваш взгляд, будет ли это способствовать миссии, допустимо ли это? Или это всё – «обновленчество»?**

– Ну, эта идея совсем не новая, это было в наших храмах и до революции, об этом много говорилось на Поместном Соборе 1917–18 годов,

и в советское время это практиковалось, и в парижских храмах я это видел. Я и сам это иногда делаю, если вижу необходимость. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви допускает это, а обновленчество тут ни при чём. Обновленчество осуждается Церковью как раскол, как позорный стовор с властью. А среди миссионерских идей, которые обновленцы проповедовали, они почти ничего не придумали сами, это всё было и до них.

– В таком случае, как Вы считаете, не стоит ли сегодня внедрить такие «миссионерские богослужения» повсеместно в наших храмах?

– Думаю, нужно везде и всюду учитывать местные условия. Русские слова можно и нужно использовать там, где этого требуют условия, где это нужно приходу, а там, где приход хорошо понимает богослужение и так, или люди просто очень пожилые и консервативно настроенные – это ни к чему.

МИССИОНЕРСТВО ИЛИ ДИКОСТЬ?

– Насколько остро, с Вашей точки зрения, в России сегодня стоит проблема сект?

– Проблема сект у нас существует, но сегодня она потеряла свою остроту. Экспансия новых религиозных движений, которая началась в девяностых, сейчас уже заметно ослабла. В целом, я бы сказал, что на сегодняшний день секты у нас в стране потерпели полное фиаско.

– С чем это связано?

– Дело в том, что у нас действительно был определенный духовный вакуум в начале девяностых. Люди, казалось, были оторваны от всякой религиозной традиции. И сектанты думали, что они пришли на «целину», где они быстро пожнут богатые плоды. Однако время показало, что основная масса наших людей имеет хороший духовный иммунитет.

– В чём он выражается?

– Это, по-видимому, какой-то фундамент, заложенный нашими предками. Потому что большинство наших людей, не имея каких-то определённых знаний о религии, подсознательно отвергли все эти секты. И тех, кто в секты попал, – всё-таки очень незначительный процент.

– Говоря конкретно, какие организации сегодня в Санкт-Петербурге могут быть признаны наиболее опасными и наиболее активными сектами?

– Это Свидетели Иеговы и Церковь сайентологии. Ещё есть Богородичный центр, – но это уже мелкая секта.

– А в чём, с Вашей точки зрения, смысл выражения «традиционные конфессии»?

– В нашей стране так называемые традиционные конфессии – это православие, католичество, буддизм, иудаизм и ислам. Это религии, которые традиционно исповедует население нашей стра-

ны. Мы не занимаемся миссионерством в отношении друг друга, это у нас называется «прозелитизмом» и считается неэтичным, так как нарушает принцип «свободы совести».

– Но между этими религиями так много различий... Что же их объединяет?

– Да, у нас разные богословские взгляды, разные точки зрения на личность Христа, но у всех у нас есть точка соприкосновения: мы признаем одного Небесного Отца.

– Тогда в этот список можно добавить и традиционных русских протестантов?

– В принципе, да, например, наших русских баптистов. В строгом смысле слова они, конечно, являются сектантами по отношению к Православии, но всё же наименование «секта» для них слишком жёсткое. Они не склонны к экстремизму, к навязыванию своих взглядов. Это нормальные люди, с ними можно вести конструктивный диалог и даже в чём-то сотрудничать. И вообще, лучше уж быть протестантом, чем атеистом.

– Каким образом, с Вашей точки зрения, можно вести миссию среди сектантов? Могут ли, например, пикеты, митинги быть формой миссионерства?

– Думаю, что лучшей формой нашего миссионерства должна быть наша жизнь. А всякое агрессивное навязывание нашей позиции будет вызывать только отторжение и неприятие. Например, несколько лет назад группа наших православных, не спросив благословения митрополита, устроила пикет рядом со стадионом, где иеговисты проводили свой конгресс. Как это выглядело: какие-то злые люди со всклокоченными бородами, с плакатами, выкрикивающие проклятия, их искажённые злобой лица... Какое же это миссионерство?! Это дикость какая-то... Особенно это заметно было по контрасту с иеговистами, которые шли на своё собрание – чистые, опрятные люди, все спокойные... Спрашивается, что должны были подумать прохожие?

– Что бы Вы могли посоветовать верующим молодым людям, у которых есть неверующие друзья? Нужно ли стараться донести до них свою позицию, познакомить их с Евангелием, или нужно надеяться, что «Господь сам всё управит»?

– Думаю, что тут нужна какая-то золотая середина. Если мы слишком будем навязывать свою веру – это вызовет только отторжение. Но и отказываться от активной позиции тоже нельзя. Я бы так сказал: нужно смотреть по обстоятельствам. Бог помогает нам, когда мы и сами делаем что-то.

*Беседовала Анастасия Коскелло
Фото: Станислав Марченко*

«ДЕТИ ПОД НЕБОМ ИСААКИЯ»

В честь 150-летия со дня окончания строительства и освящения Исаакиевского собора 18 мая в Санкт-Петербурге проходила удивительная акция «Дети под небом Исаакия». Юные художники в возрасте от 5 до 18 лет одновременно в Исаакиевском соборе и в храме Воскресения Христова («Спас-на-Крови») рисовали на холстах ангелов.

Художественные работы детей, их сказочные истории об ангелах, а также сочинения об Исаакиевском соборе будут опубликованы в альбоме «Санкт-Петербург – город ангелов». Авторы проекта посвятят это издание недавно ушедшему из жизни директору Исаакиевского собора Николаю Викторовичу Нагорскому.

Информационная служба «Вода живая» - <http://news.aquaviva.ru>
Фото: Станислав Марченко

ЧАСОВНЯ
СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО

Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне – выдающийся памятник русского церковного зодчества, одна из самых замечательных архитектурных доминант нашего города. С этим храмом связаны многие знаменательные события истории Северной столицы Российской Империи.

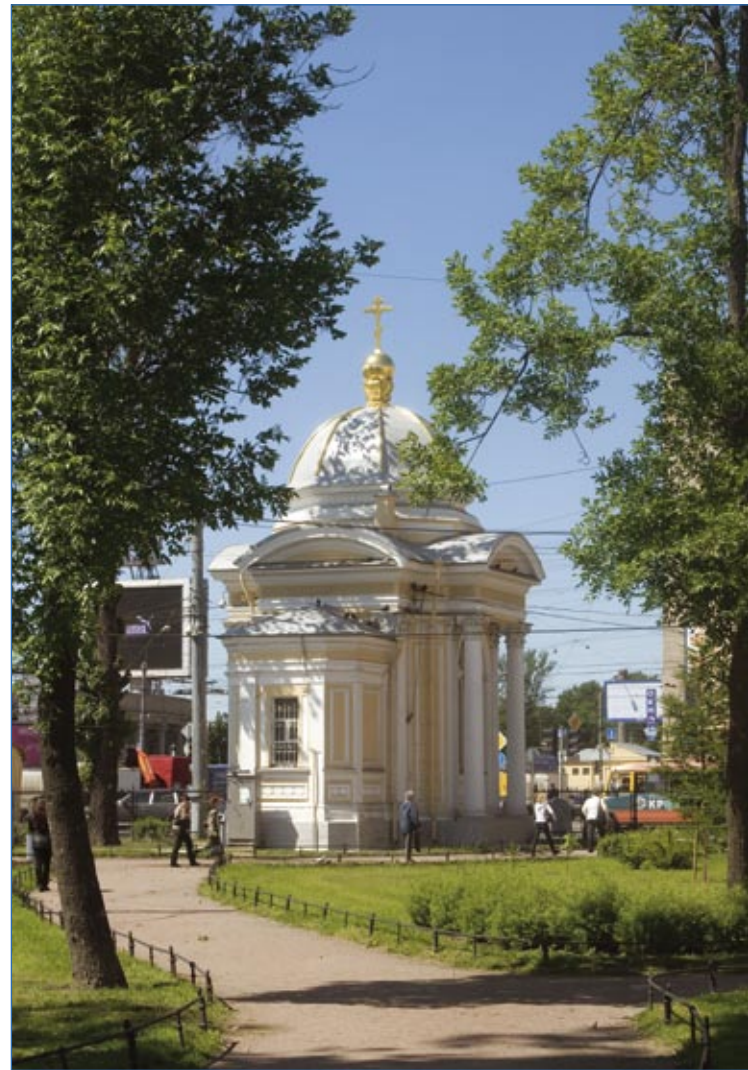
Вскоре после убийства в 1881 году Императора Александра II прихожане Кавалерского собора святого Князя Владимира (таково было его название до революции) подали прошение министру внутренних дел на постройку часовни во имя святого благоверного князя Александра Невского в память венчешного мученика, Царя-Освободителя. Член приходского благотворительного общества академик архитектуры Николай Николаевич Ковригин преподнёс в дар приходу свой проект, и 15 августа 1882 года совершили закладку будущего храма. Торжественное освящение состоялось 2 июня 1886 года, в День Сошествия Святого Духа.

По замыслу архитектора фасады часовни были оформлены в стиле классицизма, с трёх сторон её украшали портики с колоннами коринфского ордена и фронтонами. Карнизы были украшены изящным лепным орнаментом. С восточной стороны была устроена небольшая апсида. Крыша была выполнена в виде восьмигранного купола с чешуйчатым металлическим покрытием и полукруглыми вызолоченными рёбрами.

При советской власти в этом здании на углу Большого проспекта Петроградской стороны и проспекта Добролюбова близ Тучкова моста размещались то табачная лавка, то бюро по трудоустройству, то магазин «Цветы». Постепенно на глазах у всех часовня разрушалась. Её фасады покрывались пылью и копотью, декоративное убранство постепенно осыпалось, металлические заполнения арочных оконных проёмов подвергались коррозии и требовали уже полной замены, кровля также пришла в негодность.

Члены Союза реставраторов Санкт-Петербурга, всерьёз обеспокоенные аварийным состоянием этого памятника культуры и истории, в апреле 2006 года приступили к благотворительному восстановлению часовни за счёт своих сил и средств. Второе рождение часовни, таким образом, повторило историю её создания – ведь 120 лет назад здание возводилось на пожертвования прихожан.

Необычная многоплановость работ потребовала консолидации лучших реставрационных сил. В течение семи месяцев была укреплена кирпичная кладка стен, восстановлен штукатурный слой составом, сходным с историческим, по сохранившимся образцам был воссоздан лепной декор, окрашен фасад, кровля и купол покрыты методом «чешуи» металлом с полимерным покрытием. Как оказалось, первоначально часовня была богато украшена – купол венчал не простой деревянный, а позолоченный крест, рёбра купола были украшены объёмными золочёными нащельниками.

Историческая справедливость восторжествовала – по старинным чертежам над центральным куполом был воздвигнут большой позолоченный крест, а над входом – малый, также были воссозданы золочёные нащельники. На центральном портале вновь золотыми буквами засияла надпись: «Бога бойтесь Царя чтите». В будущем под входным порталом будет ещё восстановлен украшенный орнаментом кивот с мозаичной иконой Спасителя, несущего Крест.

На церемонии открытия возрождённой часовни 28 ноября 2006 года отмечался не только высокий профессионализм мастеров-реставраторов, но и их подлинное благородство.

Санкт-Петербург по праву считают памятником под открытым небом, поэтому столь ценен труд наших реставраторов, возвращающих городу его исторический облик и былое величие.

Рубрика выходит при поддержке реставрационной компании «Лалин Энтерпрайз»

МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ...

ВСТРЕЧА В СИЭТЛЕ

Рядом с небоскребами Сиэтла, среди малоэтажной частной застройки возвышается небольшая пятикупольная церковь Святителя Николая Мирликийского с шатровой колокольней. Редкие здесь берёзы обрамляют красивое крыльцо в стиле московской архитектуры XVII века. Это почти чудо – увидеть небольшой кусочек России в современном американском городе, услышать русскую речь и участвовать в службе на церковно-славянском языке.

В 2008 году приход святого Николая в Сиэтле под юрисдикцией Русской Православной Церкви Заграницей отмечает 75 лет со дня основания и 70 лет со дня завершения строительства церкви. Священник отец Алексей Котар и матушка Наталья – русские эмигранты в третьем поколении рассказали нам о своём служении.

– Отец Алексей, расскажите, пожалуйста, как возник приход Святителя Николая?

– Приход был основан выходцами из России и связан с историей расколов. В Сиэтле была, да и сейчас ещё существует Спиридоновская церковь. Но из-за того, что в 1930-х годах часть прихода стала поддерживать советскую власть, – и сохранилось даже устное предание о том, что на церкви развевался красный флаг, – группа моряков – белых офицеров перешли под омофор зарубежного архиерея архиепископа Тихона и получили его благословение на организацию прихода.

– Получается, что сначала появился приход, и только потом стали строить храм?

– Да, поэтому наш приход старше храма. Известно, что храм начали строить в 1934 году, и уже к 1937 году он был освящён. Так как все средства пошли на строительство, то на роспись храма и покупку икон уже не хватило средств, и по-

этому первоначальное убранство нашего храма составили домашние иконы первых наших прихожан. К сожалению, с этим возникли в будущем некоторые затруднения, потому что, когда иконы ветшали, их было трудно менять, так как для всех это была особенная память. Первый священник Михаил Николаевский окормлял этот приход лишь в течение полугода. Потом приехал сюда священник Михаил Данильчик, галичанин. Он был деловой человек, умел собирать не только людей, но и усердно трудился, собирая средства на строительство церкви. После его смерти в течение 24 лет служил отец Андрей Наконечный, затем был отец Константин Тиветский из Петербурга, англичанин отец Серафим. Всё это были неординарные и очень интересные личности, и многие прихожане ещё помнят многих из них и рассказывают разные интересные истории.

– Церковь посвящена святому Николаю Чудотворцу, епископу Мир Ликийских?

– Церковь была построена как храм-памятник Царю-мученику Николаю и его семье. Всё это было ещё до официальной канонизации. Мы поминаем и Святителя Николая Чудотворца, и святого Спиридона, потому что Спиридоновская церковь была первой православной церковью в Сиэтле, куда ходили и сербы, и греки, и русские. Также мы поминаем ныне прославленного святи-

теля Иоанна Шанхайского и Сан-Франциского. Его мощи сейчас находятся в Сан-Франциско, а скончался он в доме при нашем храме. Это был его последний визит – он объезжал приходы с чудотворной Курской Коренной иконой Богоматери. В доме на втором этаже на месте той комнаты, где он почил, теперь устроена домовая церковь.

– **Как давно Вы служите в этой церкви?**

– Вот уже более 7 лет. Но история церкви святого Николая, как и вообще история Зарубежной Церкви, – это и история наших семей. Они сохранили веру отцов и дедов, русскую культуру и передали её нам, своим детям и внукам, и теперь наша задача не растерять этот драгоценный дар.

– **Матушка Наталья, а какой была история Вашей семьи?**

– Наши дети – это уже четвёртое поколение детей, выросших за рубежом. Отец Алексей и я родились в Америке. Моей бабушке со стороны мамы, было 8 лет, когда её вывезли из России. И она фактически выросла и училась в Югославии. Дедушке было 18 лет, когда он эмигрировал. По моей линии все предки были военные, белые офицеры. А со стороны отца Алексея линия священства уходит очень далеко.

Но первое поколение – это было поколение моих дедушек и бабушек. Они во время революции они бежали в Югославию, а когда коммунисты пришли и в Югославию, бежали и оттуда; под обстрелом, под пулями. Чудом спасли потерянный чемодан, в котором лежали документы, и успели на последний поезд.

Пересказывая уже своим детям историю семьи, я вижу так много в судьбах моих родственников чудесных совпадений, и я не могу не видеть во всём этом руку Господа. И, конечно же, я не могу не задавать себе вопрос: «Для какой цели нужно было сохранить всех этих людей?» Ответ для меня только один: для того, чтобы сохранить и передать нашу веру следующему поколению.

– **Именно в этом Вы видите свою миссию?**

– Да, ведь нас воспитывали как воинов, как войско Христово, которое до времени живёт в изгнании и должно бережно сохранять веру и культуру своего народа. Но мы всегда уповали на то, что вернёмся в Россию и сможем передать русским людям свой опыт. Это звучит, может быть немного наивно, конечно, никто из нас никогда не был в России, а в стране всё так поменялось, и уже наше поколение очень смутно представляло себе, как это может происходить практически. Но мы знали, что должны сохранить свою веру, а вместе с ней и свой язык, свою культуру, ведь всё это существовало для нас неразрывно. Кроме этого за рубежом существовали не только русские школы при церквях, но и такие организации, как русские православные скауты. Мой папа Макс Михеев был одним из первых, кто начал скаутскую работу в Нью-Йорке. Он жил в Зальцбурге. Потом переехал сюда и начал работать вместе со своим братом Михаилом.

– **При Вашей церкви есть русская школа?**

– Обычно в каждом зарубежном приходе есть русская школа. Хотя, когда мы приехали сюда, русской школы здесь не было. Но постепенно всё устроилось, и в школе проходят занятия для детей разных возрастов. Мы считаем, что всё это очень важно, хотя занятия отнимают у детей субботний выходной день, и детям это даётся, конечно же, очень тяжело.

– **Почему Вы считаете таким важным делом изучать русскую культуру и язык?**

– Немаловажную роль играет и то, что мы русские по крови, я очень в это верю. Когда я занимаюсь с детьми, мы часто разговариваем о том, зачем нужно изучать русскую историю и язык. Но как мы сможем сохранить и передать веру, если не знаем языка и истории своих предков?

Это является очень ответственным и тяжёлым трудом для всех: от учителей и учеников до родителей, которые должны привозить ребёнка иногда с другого конца города на занятия. Все мучаются, но без русской школы всем ещё тяжелее. В этом есть что-то парадоксальное. И я вспоминаю один разговор между мной и моей подругой, тоже матушкой. Наши дочери заканчивали гимназию в Сан-Франциско. Мы уже переехали в Сиэтл, но старшая дочь Тася осталась в Сан-Франциско ещё на год, чтобы закончить русскую гимназию. В конце обучения устраивается так называемый Белый бал, и конечно, все девочки об этом мечтали. И мы с подругой помогали готовиться к Белому балу и очень устали, и в порыве чувств моя подруга говорит: «Ну, зачем мы всё это делаем? Ведь мы все это ненавидим: и дети, и родители, и учителя. Только русские могут такое сделать!» И тогда я говорю: «Таня, а представь, что ты приезжаешь в город, где нет русской школы». И тогда она сразу отвечает: «Ну, нет, я бы никак не смогла без русской школы!» И это всё выражает русскую душу.

Мы понимаем, что «русскость» мы не можем сохранить одной только русской школой. Ведь занятия проходят всего лишь один день в неделю. Но даже это очень помогает и объединяет.

– Наташа, Вы хорошо говорите по-русски, а на каком языке Вам легче говорить?

– Конечно, говорить легче по-английски. Но я ощущаю русский как свой родной язык, и когда я говорю по-русски, я себя чувствую дома. Мне всегда хочется улучшить знание русского языка, и это, конечно же, труд всей моей жизни. Дети всё понимают, пишут, читают, но всё равно предпочитают говорить по-английски.

– Вы производите впечатление русского человека. А Вы сами ощущаете себя русской или американкой?

– Мы живём в Америке и, конечно же, любим эту страну и считаем себя американцами, но всё равно нас не покидает чувство того, что мы здесь чужие. Особенно сильно я ощутила это, когда побывала в России. Иногда мы в шутку представляем, как мы вернемся, наконец, в Россию, что же мы будем делать? И какие праздники мы будем праздновать? Ну, наверное, День Благодарения, День Независимости, дни распродаж, ко-

торые в Америке воспринимаются как праздник. Это, конечно же, всё только в шутку. Мы понимаем, что всегда будем иммигрантами. Я помню, что всегда чувствовала себя отличной от других детей, хотя я была по рождению такой же американкой, как и они. Всё это складывалось из мелочей, но всё это определяло моё отношение к внешнему миру и отношение внешнего мира ко мне.

Ну вот, мы приходим в школу. Обычная перекичка, читают фамилии учеников, и как только учитель запинается и начинает с трудом разбирать по буквам фамилию, я уже знала, что это я. Никогда мою фамилию Михеева не могли произнести, хотя, казалось бы, несложная фамилия. Сознание того, что я отличаюсь от других детей, было с самого первого момента. Некоторым это нравится. А если ты такой человек, который не хочет выделяться, то это очень трудно. Вот, одной из моих дочерей, я знаю, трудно. Она не хочет, чтобы на неё обращали внимание. Её очень смущает, что папа ходит в «чёрном платье» и с бородой. Для некоторых это было непреодолимым соблазном, и они находили другую дорогу.

– Как Вам удаётся из поколения в поколение передавать любовь к России?

– Мои бабушка и дедушка, как и представители старшего поколения в других семьях, очень много рассказывали о «своей» России, о той России, которая осталась в их памяти. Конечно же, они скучали по своей Родине и передали эту ностальгию и нам, своим детям и внукам. Я думаю, тень этой ностальгии лежит на нашем восприятии действительности. Мама много мне читала и сказки, и стихи Есенина. Я помню, как лежала на ковре в гостиной и слушала Окуджаву. И всё что происходило в России, очень остро переживалось. Были бесконечные разговоры за столом о современной ситуации и о том, как всё было раньше. И становление нашей личности всегда соответствовало тому, что происходило в России.

– Вы упоминали, что ездили недавно в Россию. Как это было?

– Да, нам с отцом Алексием выпало счастье быть в составе делегации, которая ездила в прошлом году в Москву на подписание Акта о восстановлении канонического единства внутри Русской Православной Церкви. Это было очень радостное время, было сверхъестественно в каком-то отношении, а в то же время, очень по-настоящему. Мы все время повторяли это друг другу. Нас, представителей от Америки во главе с владыкой Лавром, был почти целый самолет. И это было приятно и очень трогательно.

Конечно, мы летели с молитвой. Это было пасхальное время, и когда самолет поднялся в воздух, все запели «Христос Воскресе!» Во время полёта все вставали, ходили, разговаривали, радовались, и повторяли друг другу: «Ты веришь? Это мы?» С детства мы верили в то, что мы вернёмся. Потом эта наивная вера превратилось во что-то другое. Были времена, когда мы думали, что воссоедине-

ние церковей никогда не произойдёт, и мы смирились с этим. Но, не смотря ни на что, мы за каждой службой всегда молились и молимся за Россию.

– Как встретила Вас Россия?

– Как я сейчас понимаю, наше время пребывания в России на торжестве воссоединения было не только очень хорошо устроено принимающей стороной, но и, наверное, организовано свыше. Всё, что происходило, было так продумано, с большим смыслом и очень глубоко. Я не имею в виду, что всё было очень чётко и гладко, но даже в сбоях программы был особый для нас смысл.

Для нас очень важен был ход служб. Первым делом мы поехали в Донской монастырь, где хранятся мощи патриарха Тихона, который объединяет Русскую Православную и Православную Церковь Заграницей. Там владыкой Лавром был отслужен молебен. На этом молебне были только представители зарубежной церкви; мы молились и просили у патриарха Тихона благословения. И с этого всё началось. Потом в Сретенском монастыре – всенощная. Потом, конечно же, самое важное событие – подписание Акта в храме Христа Спасителя. И здесь мне хотелось бы особенно отметить, что восстановление храма Христа Спасителя в его первоначальном виде я воспринимаю как очень значимый факт. Я не могу сказать, что мне нравится такая архитектура или близок стиль внутренних росписей, но сам факт того, что храм постарались восстановить до самой последней детали, очень важен. Вместе с этим храмом словно восстановлена историческая правда, и для меня было очень символично, что торжественная служба проходила именно там. И после этого было Бутово. Всё было очень особенным в Бутово. Мы приехали рано, чувствовалась утренняя свежесть, и было светло на душе. Подъезжая, мы увидели храм-памятник, посвященный всем жертвам террора. И завершились празднества в Успенском соборе Московского кремля. Всё это было невероятно: там собрались и мы зарубежные, и местные, и чувствовалось, что на службе с нами незримо присутствовали и наши предки, покоящиеся в соборе. И все это ощущали, обсуждали много... И конечно, наряду с этими сильными переживаниями было очень много трогающих душу встреч.

В первый же день нашего пребывания, ещё до молебна в Донском монастыре у нас было предусмотрено свободное время, мы посетили несколько церквей и попали к отцу Александру Шаргунову – настоятелю Никольского храма в Пыжах. И тут был ряд таких удивительных совпадений. У нас храм святого Николая, и он настоятель Никольского храма. Отец Александр был первым, кто отстоял написание иконы Царя-мученика до прославления, как и в нашей церкви. И потом он положил на аналой большую икону святителя Иоанна Шанхайского, и мы вместе отслужили молебен. Много очень было моментов, трогающих душу.

– Почему Вы решили поехать на подписание Акта воссоединения?

– Было очень важно быть там и быть вместе. Все представители приехали из разных городов Америки. Ведь мы выросли вместе со всеми этими людьми. Мы раньше ходили вместе в скаутские лагеря, участвовали в съездах, знали друг друга довольно хорошо. Нам всем жалко очень было, что мы не могли всё зарубежье перевезти именно на этот момент. И чувство было такое, что круг замкнулся. Чувство удовлетворения, как будто мы даже что-то создали или завершили. Хотя и в самом деле мы просто жили, верили и следовали своей совести. Владыка Лавр с нами летел, и он разделял нашу радость, но в его радости была и дума о тех, кто не принял этого важного события. Он сказал: «Мне очень скорбно и печально за тех, которые ушли». Вот о чём он думал. И он со всеми общался, все были очень рады.

– Вы близко знали владыку Лавра?

– Владыку Лавра мы помним с детства. Он дружил с моим отцом, с отцом о. Алексия. Все архиереи в Зарубежной Церкви всегда доступны не только для клира, но и для обычных прихожан. У владыки Лавра была феноменальная память. Он только знакомился с человеком, узнавал его имя и отчество, и – запоминал навсегда. Даже встречая через несколько лет, называл всех всегда по имени. Недавно владыка Лавр скончался, и на похоронах все делились своими воспоминаниями о нём. К нему можно было в любое время придти. Это всегда было очень личное и близкое общение. В общем, я думаю, что наша паства не столь многочисленна, как в России, и мы всегда могли общаться с нашими архиереями очень близко.

Был случай, что владыка Антоний (Медведев) подарил мне томик Пушкина, какое-то старое издание. И уже прошло достаточно времени. Вдруг ночью в моем доме раздался телефонный звонок. Это он спохватился, так как не знал, не проверял, не напечатана ли там «Гаврилиада». Очень волновался, так как не подобает архиерею делать такой подарок. Для меня такое личное отношение архиерея ко мне было очень трогательно. Ведь его паства велика, но он думал о каждом из нас.

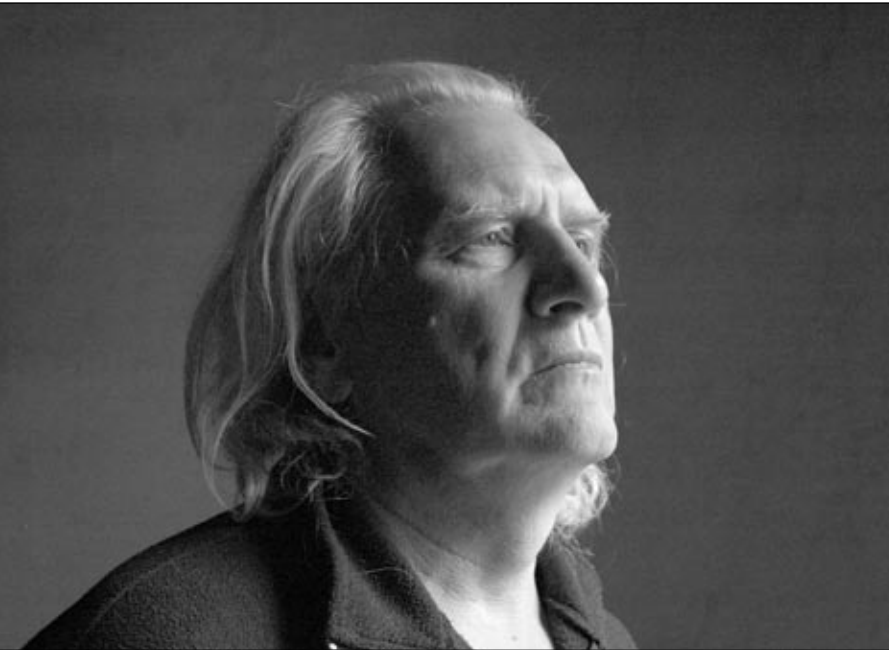
В заключение нашего разговора мне хочется вспомнить слова отца Тихона игумена Сретенского монастыря в Москве, которые он произнес после всенощной в преддверии подписания акта о восстановлении канонического общения. Мне очень близко то, как он выразил наши задачи в России и за рубежом. Общий смысл был такой: «В России христиане прошли урок мучений, лишений и каторги и почти полного истребления. Мы знаем это. А за рубежом Церковь нужно было сохранить от другого и другим образом. Нам нужно было преодолеть потребительское мышление. Мы прошли один урок, а вы прошли другой урок – поэтому мы нужны друг другу...»

*Беседовала Ольга Шаламова
Фото автора*

НЕ ПОТЕРЯТЬСЯ В РОЛИ

БЕСЕДА С ФИЛОСОФОМ КОНСТАНТИНОМ ИВАНОВЫМ

Сегодня философов в России — не так уж много, ещё меньше — философов-христиан, совмещающих веру в Бога и рациональный философский подход. Предлагаем читателям беседу с одним из таких людей. О своём сложном пути от атеизма к христианству рассказывает Константин Иванов, в прошлом — специалист по математической логике, в настоящем — известный православный философ, основатель религиозно-философского общества «Открытое христианство».

Константин Константинович, верующие учёные часто рассказывают, что их путь к Богу был тесно связан с их научными изысканиями. У Вас это было тоже так? Был ли приход к вере как-то связан с Вашими философскими поисками, или это было совершенно «вразрез» с Вашей научной деятельностью?

— Это было, так сказать, и не «вразрез», и не по линии... Скорее просто я от чего-то «оттолкнулся». Слово я бежал, оттолкнулся и полетел вперёд, — а то, от чего я оттолкнулся, полетело назад... Понимаете этот образ?

— То есть, Вы «оттолкнулись» от математической логики?

— Дело в том, что когда я учился в аспирантуре философского факультета, я занимался основаниями наук — теми основаниями, которые, так сказать, являются «основаниями всех оснований». Уже тогда я начал понимать, что в науке мы достигаем новых результатов только за счёт того, что блокируем у себя в сознании смысловое измерение. Мне это тем более понятно стало, когда я работал с одним крупным специалистом, настоящим учёным-математиком, которому, кстати, принадлежат многие открытия. Мы сидели, писали формулы доска за доской, и тут он мне говорит: «Смотрите на формулы, перестаньте мыслить, иначе мы с Вами ни до чего не

дойдем!» Понимаете? Он сказал: «Я вижу, что Вы не станете математиком, если будете философствовать!» Он оказался прав. И я не могу говорить о себе, как об учёном. Вспоминаю слова Фридриха Ницше «я ушёл из дома учёных и ещё захлопнул за собой дверь»...

— И всё-таки, Вы же учились на самом «заидеологизированном» факультете, Вас там, наверное, считали перспективным учёным-атеистом... Как Вы повернулись к Богу? У Вас был момент «обращения»?

— Ну, это у протестантов принято свидетельствовать, что вот, мол, «со мной чудо произошло»... Не буду говорить, что я как апостол Павел шёл в Дамаск и осветил меня «Свет с небес», — такого не было. Но всё-таки для меня это было серьёзно. На самом деле, это было, может быть, не чудо, но большое психологическое потрясение. Просто я встретился с Богом, сам того не желая. Это был путь, неожиданный для меня во всех отношениях. Я словно кубарем «выкатился» в веру, как будто меня кто-то взял и с лестницы сбросил вниз...

ТЕОРИЯ ДЕОНТИЧЕСКИХ МОДАЛЬНОСТЕЙ

— Когда и как это произошло?

— Это было уже давно, в 1970 году. Получилось всё достаточно просто. Я тогда учился на философском факультете в нашем Государственном университете, заканчивал аспирантуру. Едва ли не

единственный я был там беспартийным. Кстати, я не был даже комсомольцем, – у нас семья была такая, решительно несоветская... И был тогда Спецхран, где аспирантам можно было читать любую литературу по специальности. А у меня была специальность непонятная такая, – никто не мог понять, что это значит, – «Теория деонтических модальностей».

Это очень узкий отдел математической логики. Я выбрал такую тему для дипломной работы и для аспирантуры сознательно, чтобы не заниматься марксизмом, – потому что факультет, как я уже говорил, был жутко идеологизированный. И вот, поскольку в библиотеке никто не понимал, что такое «теория диалектических модальностей», мне под эту марку давали практически любую литературу, и религиозную в том числе. Это мне помогло. Особенно книги Николая Бердяева оказали очень большое на меня влияние.

– Почему именно Николай Бердяев, как Вы думаете сейчас?

– Дело в том, что сейчас уже я понимаю, что это был писатель довольно дерзкий и маргинальный, порой далеко выходящий за пределы того, что мы привыкли чтить как надежную религиозную традицию. И это не отрицательная в отношении него характеристика, а, если хотите, даже положительная. Просто в его творчестве сочетаются мотивы светской и религиозной мысли. А это очень помогает тем, кто идёт из светского мира в религиозный.

– То есть, романтикам?

– Не совсем. Я бы даже сказал, что я никогда не был романтиком в плане Церкви. Может, поэтому, в отличие от многих людей, которые пришли в Церковь в то же время, что и я, меня никогда особенно не привлекали ни Павел Флоренский, ни отец Сергей Булгаков. Я никогда не был особенным поклонником «красоты Церкви». Я как-то прозаически, дотошно, что ли, относился к Церкви.

– Что это значит?

– Может, потому, что для меня путь в Церковь был не очень простой, я всегда сохранял критический взгляд на многое из того, что я видел здесь. И я всегда шёл против тех вещей, которые считал в нашей земной Церкви неправильными. Для меня пребывание в Церкви изначально не было «комфортным».

– А что пришло первым: ощущение присутствия Бога в Вашей жизни, или интеллектуальный прорыв, – осознание того, что Он есть?

– Может, это странно звучит, но для меня ощущение играло вторичную роль, это было то, что на поверхности. Для меня доминирующим было осознание того, что изумительным образом Бог, оказывается, есть! Потому что ощущения – они, знаете ли, приходят и уходят, а понимание – оно уже необратимо. Это печать, которая ставится на человека, и которая уже несмываема. Вы уже не можете не знать того, что знаете.

КАК МОЖНО БЫТЬ ВЕРУЮЩИМ ПРИ ТАКОМ НАХАЛЬСТВЕ?

– В тот момент, когда Вы осознали себя верующим человеком, вы уже бывали в храме, или у вас ещё не было никакого церковного опыта вообще?

– У меня был всего один знакомый в церковной среде – отец Василий Лесняк, выдающийся и одаренный духовными харизмами священник. Надо сказать, что он принял очень большое участие в моей судьбе. Ещё прежде, чем я осознал себя как верующий, я заходил к нему время от времени, чтобы поспорить о Боге, и спорил с ним, надо сказать, почти неприлично. Как мы с ним иногда ругались! Он не раз говорил: «Удивляюсь, как такой человек, как Вы, к Богу лезет?! Как можно быть верующим при таком нахальстве?!» Но в 1971 году он меня крестил, и я, органически почувствовав Бога, перестал спорить.

– А что Вы ощутили, став членом Церкви? Вы сразу нашли там близких людей, единомышленников?

– Вообще я очень долгое время ощущал себя в Церкви «особняком». Во многом потому, что в то время в Церкви было мало молодых людей. Когда я начал ходить на богослужения, то очень скоро стал знать в лицо всю молодёжь, которая посещала храмы в Ленинграде, представляете? Так мало нас было!

– Кто-то помогал Вам пережить это сложное время?

– Пожалуй, поначалу один Николай Александрович Бердяев мне помогал, ещё какие-то книжки... Из близких людей – никто. А в университете меня только такими словами и встречали: «Ты же ведь не дурак, – что ты в церковь ходишь?» Так и сейчас ещё многие думают, – что говорить про то время.

– И всё-таки, могли бы Вы рассказать о церковной среде Ленинграда 70-х годов? Что за люди тогда ходили в храмы?

– Надо сказать, что вообще первый опыт моего общения с людьми в Церкви был отрицательный. Тогда в храмах было очень много странных людей, которые казались почти сумасшедшими. Эти люди приходили в церковь вопреки своему воспитанию, мировоззрению, а потому, порой, как бы и вопреки своему разумению... Оттого у них в церкви словно «ум корежился». Это большая тема. Вера и разум с трудом совмещаются в нашу эпоху – в этом её трагедия, и оттого наше безбожие. Это затрудняет духовный путь, но делает его серьёзным. Надо не приспособивать веру к нашему обезбоженному разуму, а исправлять разум, делая его достойным веры... ещё была другая группа – церковные эстеты, поклонники Павла Флоренского, для которых в Церкви главным было благолепие – меня от них просто тошнило...

– Почему?

– Потому что, поймите, тогда для меня быть верующим было совершенно неожиданное дело! Приключение с собой самим! Это никак не было подготовлено – Господь меня призвал. Я чувствовал, что попал в совершенно иной чудный мир, где всё мне было ново. А они словно бы уже «освоили» этот мир. И хотя этот мир и был для них предметом восхваления и наслаждения, всё же он оставался для них обычной, какой-то само «собой разумеющейся» прозой. Найти Бога для меня было вопросом жизни и смерти, и святой трагедией стало звучать для меня Благовестие. А их привлекала в храме благолепная мелодия, красота, позолота... Они находили здесь свой «кайф», если можно так выразиться. Мне было очень тяжело от этого.

– А как Вы переживали «вхождение» в Церковь? Было ли сложно участвовать в Литургии, когда Вы не всё понимали?

– Был такой момент, но для меня это было не важно. Гораздо важнее было то, что произошло перед этим. Просто рухнула какая-то «стена», которая располагалась между мной и Богом, и я просто ушёл из того мира, где само собой разумелось, что Бога нет.

А всё, что дальше, как говорят шахматисты, было «делом техники». Я так специально выражаюсь, я не хочу говорить банальными благочестивыми словами, чтобы передать то, что я чувствую, а не попадать в колею обыденных разговоров...

– А сомнений в том, «туда ли Вы попали», у Вас не было?

– Пожалуй, обратного пути тут не могло быть. Представьте, что когда я был атеистом, я, словно собака, сидел на цепи, – и вдруг моя цепь лопнула. Конечно, когда такое происходит, собака в принципе может ещё посидеть на месте, может погулять, может по привычке в свою конуру забиться... Но ситуация все равно уже радикально сменилась – перед такой собакой уже есть широкие горизонты! И горизонты эти идут дальше конуры.

ДИАЛОГ

– Вы – представитель того слоя людей, которых называют «церковной интеллигенцией», Вы активно следите за тем, что происходит в нашем обществе. По Вашим наблюдениям, среди российской интеллигенции в целом кого сегодня больше – верующих или атеистов?

– Наверное, большинство как были, так и остались неверующими. По крайней мере, это проявляется в СМИ, и это тревожит меня. Вот, например, сегодня мне нравится «Эхо». Оно лучше других по качеству передач. Но я не могу слышать их настойчивую секулярную интонацию! Я считаю, что Церкви к этому надо отнестись

очень серьёзно. Потому что это возвращает нас в опасную ситуацию XIX века, когда интеллигенция была в оппозиции к Церкви. Вот если бы меня спросили, что в Церкви у нас плохо – это непонимание таких вещей. Думают о том, где приобрести имущество, как построить побольше храмов, а вот о самой глубине церковной политики, – (с большой буквы – Церковной Политики), не политиканства, а Политики, – не задумываются вообще.

– Вам видится какой-нибудь путь выхода из этой ситуации?

– Большой Вы вопрос задали. Это крайне серьёзный разговор. Во-первых, нужен Диалог с большой буквы. Церкви нужен диалог с современным секуляризированным миром, представителем которого в первую очередь является наша интеллигенция.

Чтобы этот диалог вести, православное сообщество должно задуматься над тем, что оно такое. У нас ведь сегодня, когда люди идут в Церковь, то в их восприятии церковности слишком много «чувственности» и слишком мало настоящей убежденности. И это наша трагедия. Трудность большая, во всяком случае...

– Почему?

– Потому что многие православные у нас под Православием понимают только то, что опытно ощущают, что непосредственно чувствуют при физическом соприкосновении с Церковью. Вот храм, вот – церковные обряды, вот – «православные» манеры, освой это – вот и всё твоё «воцерковление». Всё это, конечно, нужно, но часто тут коренится очень опасное требование – «будь похож на нас». А если ты не такой – ты не наш! Отсюда и национализм – «не русский – значит не православный», – и много других проблем.

– Есть и попутное явление: всякий русский – православный по определению...

– Да. Известный церковный деятель прошлой эпохи отец Сергей Желудков рассказывал мне такую историю. Он служил тогда под Псковом. До перестройки была такая манера – на Пасху Церковь блокировали милиционеры, чтобы туда молодёжь не ходила. Предлогом было то, якобы пьяные компании могут в храм зайти. И вот стоит там у линии оцепления какой-то майор милиции, отец Сергей к нему подходит, и говорит: «Спасибо, что вы нас охраняете!». Тот говорит: «Ну, а как же? Мы тут все православные!» Маленький отец Сергей удивленно смотрит на него снизу вверх и спрашивает: «Вы в Бога верите?» А майор ему сверху басит: «А при чём тут Бог?» Эта история для меня – как притча!

– А что практически можно сделать, чтобы сегодня в нашем обществе достичь того «понимания» Православия, о котором Вы говорите?

– Надо создать среду общения для думающей церковной молодёжи, – чтобы она не была «вы-

брошена на улицу» своими приходами. Например, мы при одной гимназии в Петербурге создали молодежный христианский клуб – по вечерам мы там читаем и обсуждаем Священное Писание, обсуждаем современные богословские книги. И вот когда у нас идёт свободный разговор, проявляются типичные вопросы и трудности в изложении Писания. Например, как объяснить то или иное место современному человеку, современным молодым людям. Оказывается, это – не просто, и надо практически учиться это делать.

– **Например?**

– Вот пример из Послания к Римлянам, глава 5, 12-й стих, где говорится, что все мы «в Адаме согрешили». Это место одно из самых неудобных для объяснения современным людям. Ну не понимает и не принимает современный человек коллективной ответственности! И вот, я рассказываю им, что в Ветхом Завете личной ответственности почти нет, там присутствует в основном ответственность всего народа перед Богом. Личная ответственность появляется в Новом Завете, но и там она не отделяется полностью от общей. А в наше время в результате секуляризации индивидуальная ответственность отделяется от коллективной, – поэтому люди не понимают, почему это вдруг ребёнок страдает из-за грехов своих отцов. Это воспринимают только как неоправданные репрессии... Вот, обсуждая такие вещи, эти молодые люди осознают самые основополагающие моменты, – что такое наша ответственность перед Богом, что такое грех, почему Бог запросто не предъявляет себя тем, кому Он любопытен, почему он не оказывается «объективной реальностью» для учёного, в чем тайна веры, что такое Церковь, для чего она существует...

«НЕ ПОТЕРЯТЬСЯ В РОЛИ»

– **Сейчас часто говорят о синтезе науки и религии, которые, будто бы, не противостоят друг другу. Что Вы думаете об этом?**

– Я думаю, что, как ни ложен «научный атеизм», подпереть наукой религию нельзя. Все разговоры о том, что на науке построится религия, – это, попросту говоря, «липа». Тот человек, который думает, что на научных данных можно сформировать какое-то богословие или прийти через научные исследования к духовной жизни, – сбивает себя с духовного пути. Потому что у него в голове всё перепутано.

Как можно всерьёз говорить о науке, когда мы не знаем толком, что это такое. Ведь нам пока по существу неведома тайна науки. По слову философа, она как прожектор, который может осветить всё, кроме себя. Мы не представляем, чем является наука по сути. Мы достигаем каких-то технических успехов при помощи науки, но при этом мы не становимся сколь-нибудь умнее наших предшественников, которые жили за века до нас. Мы отдаем свой разум в распоряжение каких-то формул и аксиом, оперируя своими

мыслями как вещами или значками. Это очень опасно для человека, – увлекаясь отчужденной от него мыслью, он всё менее чувствует и осознает это. Когда я уже стал верующим, стал заниматься религиозной философией, я пришёл к выводу о том, что наше современное неверие – такое же новое, как и современная наука, и пришло к нам вместе с ней. Оно совсем не такое, какое было в античности и в средневековье. Причина его – не личная, конечно, а общественно-культурная – это именно слепой культ науки.

– **В чём здесь связь?**

– Современная наука ставит человека в роль «учёного». Это значит, что человек всё рассматривает с определенной дистанции, отказывается от нравственных и эстетических суждений, словно ему ничто не дорого. Называется это «объективным взглядом на реальность». С таким человеком в духовном плане говорить не о чем. Потому что, если Вы спросите его о смерти, он Вам скажет, как написано в советских энциклопедиях, что «смерть – это естественный конец любого живого существа». Это же патологическое определение для любого нормального мыслящего человека! Но оно кажется «объяснением» тому человеку, который потерял себя как духовная личность, пребывая в роли учёного. Я говорю такому учёному: как же так? Вот ты живешь в мире, где с тобой может приключиться неизвестно что, – а не с тобой, так с твоими близкими, – вот ты страдаешь, умираешь, – и всё это для чего? Если мы прочтем Библию, то всё понятно. Бог сказал Адаму, изгнав его из Рая: «В поте лица будешь зарабатывать хлеб твой», а Еве – «в муках будешь рожать детей». То есть, все страдания – для того, чтобы человек понял: без Бога никак. Таково «доказательство от противного» о том, что Он всё-таки обязательно есть, оставленное нам Богом, когда Он отделил нас грешных от Себя. Но ученый, даже изучая Библию, часто становится эдаким «кабинетным» существом, которого будто бы всё это не касается.

– **Получается, что по-настоящему науку и веру совмещать невозможно?**

– Я считаю, что возможно, конечно, но не прямолинейно. Потому что сложно человеку не теряться в этой роли учёного. Так же с любой ролью, социологи недаром говорят, что роль – вещь серьёзная. Одно дело, если я генерал и командую на плацу, и другое дело, если я приду домой, и дома начну всех строить. Конечно, в жизни нам сложно избегать «вхождения в роль». По сути же мы всегда играем какую-то узко-специальную роль – даже когда мы с друзьями общаемся и, казалось бы, говорим искренне. Может быть, единственное место, где у нас роли нет, это наше место перед Богом... Только исповедуясь перед Богом, мы становимся по-настоящему сами собой.

*Беседовала Анастасия Коскелло
Фото: Станислав Марченко*

МИССИЯ И ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ: ОТ СВЯТЫХ ОТЦОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ*

Священник Стефан Фриман

*Сотрудник Миссионерского отдела
Православной Церкви в Америке*

Задачей Церкви является освящение жизни и спасение человека. Эта миссия и возвешение Благой вести (евангелизация) были неотъемлемыми составляющими жизни Церкви с самого начала её бытия. Христос поставил перед нами эту задачу в заповеди «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам». Поэтому евангелист Лука композиционно строит всю книгу Деяний апостолов на основании темы миссии и евангелизации, почти не повествуя нам ни о каких других аспектах жизни ранней Церкви.

Миссия Церкви заключается не в том, чтобы стать политической силой в этом мире, не в том, чтобы возродить Византию или создать новую христианскую империю. Миссия Церкви не обязательно предполагает замечательный практический результат или хорошее мнение о нас окружающих. Память об истинной цели существования Церкви – освящении жизни и спасении человека – должна помочь нам взглянуть надлежащим образом на историю церковной миссии и евангелизации. Мне хочется указать на ряд методов, характерных для различных периодов истории миссии, чтобы с их помощью попытаться осмыслить нынешние проблемы.

ПРОЗЕЛИТИЗМ

Сейчас существует неписанное правило, согласно которому мы не занимаемся прозелитизмом – то есть не «крадем овец» и не пытаемся агрессивно обратить в Православие христиан из других «конфессиональных заблуждений». Мы не стремимся к этому, однако иногда это просто происходит. Весь тот богатый материал, опубликованный

на Западе в XX веке для того, чтобы рассказать о Православной вере и богословии тем, кто находится вне церковной ограды, вероятно, никогда не преследовал цели прозелитизма, однако, тем не менее, он был очень эффективным в этом отношении. Один протестантский пастор недавно спросил меня, какой вид евангелизации я использую, на что я ответил: «Отвечаю на телефонные звонки». Большинство людей, пришедших в нашу Церковь из других христианских конфессий, уже ознакомились с определенным объёмом информации из православных источников – книг или Интернета (причём я предпочитаю первое).

Апостол Павел, несомненно, являет первый пример православного прозелитизма. Он постоянно ходил из города в город по всей Римской империи и проповедовал – в основном в синагогах. Его проповедь в Афинах (своего рода незапланированное отклонение во время его миссионерских путешествий) является одним из немногих случаев, когда евангелист Лука повествует о его проповеди настоящим язычникам. Еще одна такая проповедь последовала на острове Милит (Деян. 20), а также после чуда, когда укус змеи не причинил никакого вреда (Деян. 28, 5) и в Ликаонии, где Павла и Варнаву посчитали Зевсом и Гермесом (Деян. 14, 12).

Большая часть миссионерской деятельности апостола Павла была обращена к иудеям или к обращённым в иудаизм (прозелитам), к «богобоязненным», то есть к язычникам, уверовавшим в Бога Израиля, но ещё не принявшим обрезание. Важно отметить, что он проповедует людям, уже имеющим достаточно необходимую для обращения информацию. Они знают о событиях Ветхого Завета и имеют общие представления о Боге. Напротив, очень тяжело проповедовать

* Вниманию читателей предлагается доклад «Mission and Evangelism from the Fathers to the Present», прочитанный на миссионерской конференции в 2003 г. (оригинал расположен на сайте www.oca.org)

и заниматься миссионерством там, где слушатели ничего не знают об истории Израиля. Успех христианской миссии первых веков во многом был связан с повсеместным распространением иудейской диаспоры по всей Римской империи. Это являлось проблемой для апостола Павла, однако одновременно помогало ему основывать новые общины. В значительной степени наша сегодняшняя миссия и евангелизация имеют нечто общее с этим подходом. Мы очень редко катехизируем человека, совсем ничего не знающего о христианской вере. Однажды я готовил ко крещению одну иммигрантскую семью из России. «Мы ничего не знаем, – сказали они. – Даже как правильно перекреститься». Однако уже эти слова показывают, что они были хотя бы немного знакомы с Православием. Поэтому наша миссия главным образом обращена к тем, кто имеет некое знание о христианской вере.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ

Существуют несколько достаточно известных историй о евангелизации и миссионерстве, которые я отношу к категории национальной евангелизации. Обращение святого князя Владимира – одна из них. Некоторые аспекты миссии святого Патрика в Ирландии, а также многое из христианской миссии древности также можно включить в этот раздел. Конечно, я имею в виду миссию «сверху вниз». Глубоко ошибочно то, что очернители этого вида миссии называют его «крещением под угрозой меча». В национальной евангелизации мы имеем дело со сплочённым обществом, в котором индивидуализм играл незначительную или вообще никакой роли. Аугсбургский мир в Западной Европе, положивший конец религиозным войнам между протестантами и католиками, руководствовался следующим принципом: «Религия правителя будет религией народа». Будучи абсолютно противоположной современной идее о разделении Церкви и государства, он являлся лишь частью мировоззрения, в котором практически не было места для полной автономии индивидуума.

Довольно сложно указать на современные примеры такой формы евангелизации, однако взрыв количества крещений, последовавший за распадом Советского Союза, вполне можно было бы отнести к данной категории. Как только государство отказалось от концепции атеистического материализма, широкие слои населения потянулись к Церкви. Конечно, речь идёт не о том же самом, что происходило в прошлом, однако используемый подход во многом схож. Зачастую, крещение в России совершается без какой бы то ни было катехизической подготовки (она, если и происходит, то осуществляется в основном после крещения). Уже упоминавшаяся мною семья русских иммигрантов была очень недовольна, когда я предложил им пройти продолжительную катехизическую подготовку согласно нашей практике. Они думали, что их покрестят

через неделю, однако им пришлось ждать дольше. Интересны их слова о том, что они – не «обращённые». «Обращённые – это люди, которые выбирают. Мы не выбирали нашу Церковь – ведь мы православные!» Трудно представить уроженца Америки, говорящего нечто подобное. Слова «я не выбирал» никогда не будут предметом гордости для американцев.

В определённой мере я провёл бы здесь параллель с успехом протестантской миссии в Америке. Недавно местный протестантский пастор предостерегающе сказал своему прихожанину, раздумывающему о переходе в Православие: «Все мировые тенденции, которые я наблюдаю, направлены не к Православию или католицизму, но к евангелическому протестантизму». Нельзя сказать, что это абсолютно неверно. Скорее перед нами иллюстрация того факта, что американский демократический капитализм свободного рынка – называемый «глобализацией» или как-либо иначе – захватывает мир в массивной кампании по построению культурного небоскреба; а вместе с ним приходит евангелический протестантизм.

ПРОРОЧЕСКАЯ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ

Я с трудом подобрал это название для подходящего описания самой противоречивой формы миссии. Это миссия, в которой напрямую критикуются другие религии; множество примеров мы найдём в житиях святых. Мы обычно любим указывать на то, какими мягкими, добрыми и культурно чувствительными являются православные, приводя замечательный пример миссии на Аляске. Но если обратить свой взгляд на несколько столетий назад, мы увидим, как святой Вонифатий срубает Большой дуб, которому поклонялись фризы на северном побережье Европы, желая тем самым проповедовать Евангелие местным жителям, – однако в ответ они зарубили его топором. Множество описаний подобной миссии связано с мученичеством. Мне кажется, что если когда-нибудь и будет осуществлена успешная миссия среди народов исламского мира, то она обязательно будет иметь такую форму. То, что во многих странах говорящего непочтительно о Мухаммеде могут приговорить к смертной казни, делает любой другой вид миссии невозможным.

В качестве другого примера можно привести епископа Льва Катанского, который вошёл в огонь вместе с ложным пророком. Святой Лев выжил, лжепророк – нет. Существуют время и место, где подобная форма евангелизации необходима – возможно, особенно в наши дни и в нашу эпоху. Архиепископ Иаков участвовал в марше протеста вместе с Мартином Лютером Кингом Младшим в Алабаме. Многие православные христиане принимают участие в акции «Марш за жизнь», которая ежегодно проходит в Вашингтоне. По крайней мере, один из моих прихожан был даже арестован за участие в этой войне, которая ведётся за жизнь нерождённых младенцев.

ИМПЕРСКАЯ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ

Эта категория нужна для описания того, что может показаться уже рассмотренным, однако я полагаю, что это особое название необходимо. Речь идет о евангелизации народов-меньшинств культурой большинства. Большая часть миссионерства в границах Российской империи подпадает под это определение. У него было преимущество культурной поддержки, с очевидными выгодами для обращенных. То, как нация или народ принимают такую евангелизацию, говорит о многом. Тот факт, что в России всё ещё есть необращенные народности, красноречиво говорит о мягкости и чувствительности миссии в Православной России. Миссия на Аляске, на мой взгляд, является наилучшей иллюстрацией этой формы евангелизации. У Церкви было преимущество доминирующей культуры, однако, тем не менее, она не использовала эту культуру как инструмент силового воздействия. Зачастую, подобную миссию осуществляют два вида священников: те, кто продолжает уже организованную миссию, и те, у кого нет иного выхода, кроме как начинать новую миссию.

ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ В ДИАСПОРЕ

Америка прекрасно знакома с миссией в диаспоре. Большая часть истории Православия в Америке XX века прошла под знаком миссии среди тех, кто уже является православным. Такая миссия зачастую связана с сохранением ими культуры и языка Родины, однако в тоже время она иногда продолжает означать для них отчуждение от культуры страны, в которой они живут.

С этим видом миссии связана следующая проблема: она делает Церковь плывущей против

течения. С каждым последующим поколением поток доминирующей культуры будет всё сильнее и ему будет всё сложнее противостоять. Смешанные браки и иные культурные силы будут ослаблять культуру Церкви. На Церковь будет оказываться давление, направленное на приспособление к культуре большинства, и одновременно давление, стремящееся к тому, чтобы остаться отличной от неё. Часто полями для баталий этих двух оппозиционных сил будут служить вопросы, не имеющие никакого отношения к более серьёзным вопросам современности.

Сегодня возникают новые вопросы евангелизации в диаспоре, связанные с последними волнами иммигрантов из Восточной Европы и России. Наше служение населению, которое зачастую совершенно «нецерковно», заслуживает детального рассмотрения. Возможно, никто ранее не задавался вопросом о том, как клирики не из диаспоры (знающие мало или совсем ничего о культуре иммигрантов и не говорящие на их языке) могут совершать эффективное служение в диаспоре. Позиция Православной Церкви Америки по отношению к нынешней иммиграции не похожа на её позицию девяносто лет назад. Девяносто лет назад мы были иммиграцией. Теперь у нас есть «обращенные» («выбирающие») – такие, как я, крестящие невоцерковленных потомков Святой Руси. Мы не можем и не должны считать, что новая диаспора уже является православной – конечно же, так не должны считать и на их Родине.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ

Этот термин призван описать, возможно, доминирующую форму евангелизации православного христианства на протяжении веков, наиболее успешную и давшую наибольшие результаты в жизни Церкви. Миссия здесь осуществляется через постепенно возникающие общины, созданные центрами христианской жизни – активными монастырями или живыми приходами, – которые живут полноценной христианской жизнью, возвращая её в своих членах и делясь ею со всеми окружающими.

Я назвал эту форму миссии цивилизационной, поскольку именно таким образом было создано большинство «цивилизаций» – на Британских островах, в Северной Европе, в различных частях Восточной Европы и России. Конечно, не стоит совершенно игнорировать роль торговли и политики, однако сама цивилизация была возвращена и воспитана Церковью. Преподобный Сергей Радонежский – яркий пример такой миссии на Руси. Отец Павел Флоренский называл Троице-Сергиеву Лавру настоящим источником русской цивилизации. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева является её видимым выражением, ведь это икона не только ветхозаветной Троицы, но и святой Руси. Та же самая модель применялась и на Британских островах, где монастыри и монархи находились в тесной свя-

зи, не имеющей аналогов в современном мире. Одна ветвь королевской семьи Англии дала миру более двадцати канонизованных святых Православной Церкви всего за те несколько веков, когда Британия находилась в расцвете святости.

НАШЕ НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Мне кажется, что доминирующей формой евангелизации для нас сегодня будет и должна быть цивилизационная модель. Освящение всей жизни и спасение человечества может быть выражено по-другому: основная задача Церкви – «быть Церковью». Я не хочу говорить тривиальности или быть «остроумным», произнося эти слова. Церковь находится в окружающей её культуре, которая по большей части чужда Православию. Эта культура в Америке имеет две основные формы: секулярный протестантизм (с ударением на первом или на втором слове) и постмодернизм, в котором реакция направлена в основном против доминирующего секулярного протестантизма культуры большинства. В качестве отступления отмечу, что большинство обращений в американское православие за последнее время относится именно к этой постмодернистской форме – то есть большинство из наших новообращенных стремятся участвовать в критике породившей их культуры, они интересуются Православием и любят его за факт его альтернативного статуса. Однажды молодая девушка сказала мне (и она считала свои слова большим комплиментом): «Мне нравится в Православной Церкви то, что она такая языческая». Как меняются времена!

Цивилизационная евангелизация в определенной мере сложна для культурно доминирующих протестантов, поскольку их цивилизация является раздвоенной. В американской культуре реальный мир находится внизу, мир же религии – «где-то там наверху». Большим искушением для Православия в современном американском контексте было бы заимствовать доминирующую культурную модель и просто быть Православием «наверху». Мы часто попадаем в эту ловушку: мы ходим в православный храм и возвращаемся в свою совершенно мирскую среду, однако интеграции между ними нет или почти нет. Необходимость интеграции поста, домашней молитвы, духовной дисциплины, праздничных дней и ритма православной жизни в наши дома представляет собой необходимую часть нашей евангелизации. Рост монашества в Америке с этой точки зрения представляет собой замечательную тенденцию. Конечно, существуют различные формы монашеского выражения, и каждая может быть использована в разнообразных видах миссии. Однако наличие православных институтов, живущих полностью православной жизнью, есть основа цивилизационной евангелизации.

Православный религиозный обозреватель Терри Маттингли говорит о нескольких возможных формах христианского ответа существующей культуре:

– сжечь культуру; в данном случае мы говорим: «если сомневаешься – сожги её», и это по сути противоположный подход.

– окрестить культуру; здесь культура задает тенденции для Церкви, которая адаптируется к ней.

– копировать культуру; речь идет о простом дублировании культуры с использованием христианского бренда: у них есть футболки – у нас тоже с именем «Иисус» и так далее.

– изменить культуру; в культуре существуют определенные сферы, где Церковь должна бороться, однако эта борьба по большому счету обречена на поражение.

– осуществлять миссию через культуру; в данном случае мы признаем культуру тем, что она есть, – чем-то чуждым, поэтому мы должны учить людей евангелизации и миссии так основательно, как будто бы они едут в другую страну.

Православный приход в первую очередь должен быть Церковью. То, чем занимаются прихожане, должно быть интегрировано в жизнь Церкви – во всю жизнь Церкви, и служить спасению в полном смысле этого слова. Я не думаю, что нам следует разрабатывать различные стратегии миссии. Однако необходимо постоянное размышление о миссии, под которой я подразумеваю активную жизнь в полноте православной веры, в приходе и дома, а также стремление поделиться этой жизнью со всеми, желающими узнать её.

Перевод: Наталья Хулан
Фото: www.stanneorthodoxchurch.org

ЦЕРКОВЬ КАК ВСТРЕЧА

ЛЮТЕРАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ МИССИОНЕРСТВО

Общаясь с инославными христианами, — благо, в Петербурге для этого есть широчайшие возможности, — открываешь для себя много интересного и поучительного не только о католиках, лютеранах и иных неправославных христианах, но и о нас самих, православных. Явные различия во взглядах в чём-то одном соседствуют со схожими подходами во многом другом. Современное миссионерство — тема в этом смысле особенно богатая примерами общего и различного в её понимании разными христианскими конфессиями. Вот, например, что думает по этому поводу **Антон Тихомиров**, в ноябре прошлого года вступивший в должность ректора лютеранской Теологической семинарии в посёлке Новосаратовка (Санкт-Петербург) — первый её ректор российского происхождения.

Начиная разговор о миссии и связанной с нею экклезиологии, мы тем самым подходим к той черте, за которой обычно начинаются межконфессиональные разногласия. И мы неизбежно вынуждены будем их затронуть. При этом я буду говорить как убеждённый протестантский, лютеранский теолог — иначе я не умею. Но я всё же надеюсь, что чёткое очерчивание наших различий, возможно, поможет нам неожиданным образом выявить и наше глубинное единство.

Прежде всего, нам нужно рассмотреть само понятие Церкви. Сделать это лучше всего, сопоставляя православное и католическое понимание этого слова с протестантским.

Разумеется, предложенная ниже, более чем краткая и односторонняя трактовка католического или православного учения о Церкви является в высшей степени упрощённой и схематической (уже сам факт того, что католическое и православное учения рассматриваются вместе, говорит об этом). Она оставляет в стороне всю глубину и многообразие соответствующих теологий и сводит их к одному, во многом искусственно выделенному принципу. Тем не менее, выделяемый мною принцип является, на мой взгляд, пусть и не всегда

явно, но латентно определяющим и окрашивающим в соответствующие тона православные или католические размышления о сущности Церкви.

ПРАВОСЛАВИЕ: ЦЕРКОВЬ КАК СОСУД БЛАГОДАТИ

Православие и католичество рассматривают Церковь, как воистину тело Христово, как зримое продолжение Христа в этом мире. Церковь неразрывно соединена с Ним. Эта связь осуществляется многообразно, но всё же с опорой на определённые исторические институты внутри христианства, прежде всего, на восходящий к апостолам епископат и зависимое от него священство.

Церковь — это некая мистическая, духовная связь со Христом, некая мистическая реальность, в которую люди могут вступить через Таинства, прежде всего через Крещение и Причастие. То есть, отчасти, можно сказать, что не люди, верующие во Христа, как таковые, как отдельные единицы образуют Церковь, а именно эта Таинственная и сакраментальная реальность, в которую они включены. Поэтому в Православии и Католичестве можно говорить о том, что понятия «Церковь» и «христианство» не совпадают друг с другом. Христиан, то есть людей, верующих в Иисуса

Христа может быть много. Но не все они соединены с Ним через истинные Таинства, не все объединены в Его Теле. Это с одной стороны.

С другой стороны, Церковь тогда становится буквально «растяжимым понятием». Католические и православные богословы могут говорить о том, что в некоторых христианских группах они могут открыть отдельные элементы церковности, причём, в некоторых группах больше, в некоторых меньше. Церковность здесь похожа, грубо говоря, на некую «субстанцию», её может быть где-то больше, где-то меньше. В подлинной Церкви церковность достигает своей полноты и своего сосредоточения. Согласно католическому или православному вероучению Господь создал Церковь, как некое хранилище благодати. Только в ней благодать преподаётся во всей полноте. Может быть немного благодати может изливаться и за её пределы, как это бывает с переполненным сосудом. Но это лишь избыток благодати. Настоящую её полноту можно найти лишь внутри подлинной Церкви. Поэтому все те, которые находятся вне её, то есть не пребывают в сакраментальном общении с правомочными епископами, для всех них их участие в истинной Церкви Христовой становится, по крайней мере, под вопрос, будь они хоть трижды верующими и благочестивыми людьми: всей полноте необходимой благодати они не причастны.

В этом смысле я отношусь совершенно спокойно к заявлениям представителей Католической или Православной Церкви о том, что только она одна является Церковью в подлинном смысле этого слова. Это не попытка обидеть или унижить других, это закономерное следствие соответствующей экклезиологии.

ЛЮТЕРАНСТВО: ЦЕРКОВЬ КАК СОБЫТИЕ

Иначе обстоит дело в лютеранском богословии. основополагающим текстом в лютеранском понимании сущности Церкви является 7-й артикул Аугсбургского вероисповедания. В нём сказано следующее: «Церковь – это собрание святых, в котором Евангелие преподаётся в чистоте, и Таинства совершаются в соответствии с Евангелием».

То есть в лютеранстве Церковь – это не какая-то особая реальность. Не какая-то реальность своего рода, важная сама по себе. Христос, по сути дела, учреждает не Церковь, как таковую, а учреждает проповедь Своего Слова и связанные с этой проповедью Таинства, а те люди, которые оказываются вовлечены в эти процессы проповеди и преподавания Таинств, и составляют Церковь. В этом смысле проповедь и Таинства первичны по отношению к Церкви.

Церковь поэтому не обладает никакой самоценностью. В ней самой по себе нет никакой особой благодати. Церковь не выступает посредницей в деле спасения. Участие в Церкви – это не условие спасения. Церковь – это те люди, кто стали причастны Слово и Таинствам. Поэтому

Церковь в протестантской экклезиологии справедливо называется *creatura verbi* или *creatura Evangelii* – творение Слова или творение Евангелия. Церковь там, где Слово Божие. Церковь возникает вокруг этого Слова. Церковь – это не некая мистическая реальность, не хранилище благодати, а собрание людей, слушающих это Слово. Церковь – это люди увлечённые Словом Божиим. Всё их внимание должно быть сосредоточено не на себе самих, а на Слове Божием, на Евангелии. Поэтому в протестантских догматиках Церкви уделяется столь мало внимания. Церковь – это просто собрание слушающих Слово Божие.

Однако не только слушающих. Ведь Слово Божие нуждается и в провозглашении. И это провозглашение тоже осуществляется через людей – членов Церкви. Таким образом, Церковь – это собрание людей слушающих и провозглашающих Евангелие, Слово Божие. Иными словами: Церковь – это собрание людей, вовлечённых в многостороннюю коммуникацию Евангелия.

Отсюда неизбежность и важность Церкви. Там, где происходит коммуникация Евангелия, там неминуемо возникает и Церковь. Поэтому истинным будет утверждение, что возвешение Евангелия невозможно себе представить без Церкви, но не потому, что лишь Церковь делает такое возвешение возможным или правомочным, а потому, что люди, возвещающие и воспринимающие Евангелие, становятся уже самим фактом своего участия в этом процессе членами Церкви. В этом смысле можно сказать, что Церковь имеет, скорее, не институциональный, а событийный характер. Церковь в своём самом исконном, самом глубоком смысле этого слова означает не организацию, не общественный институт, не мистическую реальность, а событие – событие человеческой коммуникации Евангелия.

ЦЕРКОВЬ БЕЗ ГРАНИЦ

При этом подразумевает, что тот или иной человек каким-то образом должен войти в соприкосновение с Евангелием, должен как-то услышать его. Совершенно необязательно это должно произойти внутри какой-либо официальной или организованной церковной структуры, скажем, во время проповеди на богослужении. Он может прочитать о Евангелии в какой-либо книге, увидеть картину или услышать музыкальное произведение на христианские темы. Таким образом, совершенно необязательно, чтобы член Церкви был бы официальным членом какой-либо церковной организации. Церковь – это любая коммуникация Евангелия, в том числе и происходящая за пределами официальных церковных структур и организаций. Неизбежно возникает соблазн дополнить это выражение «коммуникация Евангелия» словами вроде «сознательная» или «стабильная», чтобы исключить из этого понятия людей, лишь поверхностно и мимолётно воспринявших Евангелие в той или иной форме,

но не придавших ему особого значения и не оказавшихся вовлечёнными в постоянные церковные структуры. Однако любое добавление такого рода в то же время и опасно, поскольку никто не может провести границ «сознательности» или «стабильности». Поэтому я настаиваю на отождествлении видимой Церкви с человеческой «коммуникацией Евангелия», то есть с людьми, так или иначе вовлечёнными в эту коммуникацию. Интенция такого определения состоит не в произвольном расширении понятия Церкви практически до бесконечности, а в необходимом подчеркивании размытости границ Церкви в человеческом обществе. Таинства, как внешние и недвусмысленные знаки могли бы быть единственным легитимным обозначением таких границ, однако границы множества людей принявших и принимающих Таинства и границы Церкви тоже не совпадают.

При этом важно помнить о значении термина «Евангелие» в протестантизме. Евангелие – это не вероучение. Оно больше и выше, чем любое вероучение. Евангелие – это весть о том, что Бог принимает человека независимо от всех его религиозных усилий и стараний и даже вопреки им. Евангелие – это слово о Кресте. Это слово прощения грехов. Поэтому, если где-то звучит это слово, если где-то людям возвещается прощение грехов и мир с Богом ради Иисуса Христа, если где-то проповедуется Крест Христов, как основа нашего спасения, то там во всей полноте звучит Евангелие. Может быть, оно звучит слабо за другими голосами, за какими-то особенными вероучениями. Но всё же оно звучит. И его сила не становится меньше. Поэтому везде, где такое происходит, везде, где звучит слово о Кресте и проповедь Евангелия, везде мы имеем дело с истинной Церковью. Не с какими-то «элементами церковности», а именно с истинной Церковью во всей её полноте. Это же касается и Таинств. Таинства ведь тоже ничто иное, как формы проповеди Евангелия, просто особенно материальные формы. Там, где они совершаются, там вольно или невольно происходит и проповедь Евангелия, если не в словах, то в самом процессе Таинств.

А включённость в коммуникацию Евангелия для того или иного человека будет тогда означать, что он не должен пропустить Евангелие мимо ушей или однозначно и категорично отвергнуть его. Он должен заинтересоваться этим Евангелием, размышлять над ним, переживать из-за него. Невозможно требовать от человека, чтобы он фанатично, без размышлений и сомнений принял на веру те или иные истины, – и лишь тогда называть его истинно верующим. Достаточно – и не только достаточно, но это и является единственно правильным, – если он окажется затронут, захвачен истиной Евангелия. Причем эта захваченность может проявляться по-разному у каждого конкретного человека: кто-то будет размышлять над Евангелием, кто-то плакать и каяться в своих

грехах, кто-то радоваться дарованному спасению, кто-то стараться вести благочестивую жизнь, помогать своим ближним, кто-то будет чувствовать, что он ничего не понял, но хотел бы понять, и потому снова и снова будет приходить на богослужения и так далее.

Итак, Церковь мы можем с уверенностью распознать там, где проповедуется Евангелие, и совершаются Таинства Крещения и Причастия. И здесь снова становится понятно, что, исходя из этого определения, к числу членов Церкви мы можем отнести и тех, кто не является членом ни одной конкретной религиозной организации, ни одной конкретной общины. Ведь и им доступно в той или иной форме евангельское провозвестие. И они оказываются вовлечены в коммуникацию Евангелия.

МИССИЯ: БЫТЬ ГОТОВЫМ К ИЗМЕНЕНИЮ

Однако нужно помнить вот о чём: мышление человека, даже самого убежденного протестанта всё равно по своей природе остается законническим. Поэтому каждый должен слышать Евангелие снова и снова. Его нельзя услышать и принять один раз. Евангелие – это невероятная весть, противоречащая всему нашему опыту, всему, чему учит нас философия и все религиозные системы. Каждый раз слышишь её заново, словно первый раз. Каждый раз вера в Евангелие, вера в то, что Бог принимает нас абсолютно без всякого с нашей стороны содействия и даже вопреки ему, должна заново рождаться.

Поэтому: большим заблуждением будет проводить границу между христианами и нехристианами, видя их основное различие в том, что первые обладают Евангелием (или, говоря менее конкретно, истиной), а вторые нет. Никто из христиан не обладает Евангелием, то есть вестью о прощении грехов исключительно по милости Божией, каждый должен снова и снова получать его извне, снова и снова слышать его. Евангелие является не статической, но динамической реальностью. В этом смысле различия между христианами и нехристианами нет. Различия нет и в том, что и те и другие, сами по себе, в равной степени являются в глазах Божиих заслуживающими проклятия грешниками. Соответственно, нет принципиального различия между проповедью Евангелия внутри и вне христианской церкви. Для провозвестия Евангелия таких «внутри» и «вне» просто не существует. В этом смысле христиане не имеют никакого превосходства над нехристианами. Их объединяет одна и та же губительная общечеловеческая и общерелигиозная склонность к оправданию по закону и, соответственно, как правило, неосознаваемая потребность в Евангелии. Поэтому и миссия среди нехристиан – это не то, что осуществляется, так сказать, сверху вниз. Она является братским общением людей нуждающихся в слове о Кресте. Причём в этом слове обе стороны нуждаются равным образом!

*Лукас Кранах Старший. Проповедующий Мартин Лютер. 1547.
Церковь святой Марии в Виттенберге, Германия*

Поэтому мы не можем и не должны принципиально разделять диалог между христианами, подобный, скажем, нашему диалогу сегодня, с тем диалогом, который может и должен вестись между христианами и представителями других религий. И потому, если в первом случае мы говорим об открытости и искренней заинтересованности такого диалога, то это должно действовать и во втором случае.

Здесь я, следом за моим учителем, профессором Германом Брандтом определяю миссию, как импульс к изменению (*Impuls zur Änderung*). Это предложенное им сознательно в такой минималистичной форме определение, позволяет нам, однако, увидеть сущность миссии с несколько неожиданной для многих из нас стороны. Импульс к изменению – это импульс, направленный в обе стороны.

Миссия, таким образом, это искренний и заинтересованный диалог обеих сторон, диалог, в ходе которого обе стороны готовы воспринимать друг друга и учиться друг у друга. Миссия подразумевает тогда умение с нашей стороны слушать и учиться у других. Вовлекая людей с принципиально другими убеждениями в диалог о Евангелии, мы не только получаем возможность затронуть их этой вестью, но и быть заново затронутыми этой вестью самим, причем, может быть, с самой неожиданной точки зрения. Но для этого требуется, чтобы другой был другим, требуется его инаковость, создающая основу для подлинной и плодотворной коммуникации между нами.

ЕВАНГЕЛИЕ И СТРАТЕГИЯ УСПЕХА

Исходя из всего этого, целью миссии не может быть обращение людей в какую-то конкретную форму религиозной жизни, в какую-то конкретную форму христианства, приведение их в какую-то конкретную церковь, но «лишь» их и наша затронутость Евангелием, независимо от того,

в каких формах она может проявиться. Поэтому миссия может и должна быть толерантной и не только толерантной, но и искренне заинтересованной в инаковости других. Эта инаковость может помочь нам снова и снова открывать для себя инаковость Евангелия, весть о Христе, которую мы сами по себе не способны до конца понять и вместить, но которую так хотим втиснуть в установленные нами самими рамки.

Но вовлекать людей в коммуникацию Евангелия, это значит вовлекать их в Церковь. В этом смысле миссия способствует росту Церкви. Но этот рост нельзя путать с ростом конкретных церковных организаций.

Очень часто ведь возникает опасность, что та или иная Церковь становится важной и интересной для себя сама по себе. Она тогда начинает жить по законам любой мирской организации, то есть бороться за своё выживание. А тем самым она может вступить в противоречие с Евангелием, как словом о Кресте.

Понятия «Евангелие» и «стратегия успеха», на мой взгляд, являются несочетаемыми. Более того: Церковь тогда, заботясь, так сказать, о своём расширении, о расширении «своего бизнеса», как выходит на современный идеологический, религиозный и мировоззренческий рынок, предлагая людям тот «товар», которым обладает, то есть Евангелие, – в надежде, что он окажется на этом рынке конкурентноспособен, и как можно больше людей этот товар «купят».

Но Евангелие – это не товар, которым Церковь распоряжается, Евангелие – это основа Церкви, неподконтрольная ей и неопределяемая ею. Понятие миссии как толерантного и заинтересованного диалога поможет уберечься от этой серьёзной опасности.

ПРИИДИ И ВИЖДЬ

МИССИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СЕГОДНЯ

Протоиерей Александр Сорокин
*Настоятель храма Феодоровской иконы Божией
 Матери, председатель Издательского отдела
 Санкт-Петербургской епархии*

ЕВАНГЕЛИЕ КАК МИССИЯ

Миссионерство для Христианской Церкви всегда было и остается необычайно актуальным понятием, без которого невозможна её полноценная жизнь. В то же время, насколько изменился и разнообразен наш мир в его истории и современности – во всей двухтысячелетней перспективе, – настолько же по-разному воспринимался и воспринимается христианами тот миссионерский императив, который диктуется Спасителем и Господом нашим Иисусом Христом.

Под миссионерством (или просто миссией) мы подразумеваем весть Церкви о Боге: весть о том, как Бог явился во Христе, и о том, какое Он дарует нам спасение. Причём имеется в виду весть, обращённая к нецерковному, нехристианскому миру.

Сам термин «Евангелие» (греч. Благая весть) уже содержит в себе как неотъемлемую, характерную часть значения указание на некое движение вовне, направленность, «векторность», обращённую к тем, кто не знает, не слышал о Христе и о Церкви и потому ещё не уверовал. Благая весть, как и вообще всякая весть, – это весть кому-то от кого-то.

Неслучайно в Евангелии как в тексте, точнее, в различных версиях Благой вести, каковыми являются четыре канонических Евангелия в Новом Завете, эта идея непременно так или иначе отчётливо выражена – и притом в заключении, как итоговое повеление, вводящее Евангелие в историческую перспективу (см. Мф. 28, 19-20; Мк. 16, 15; Лк. 24, 47-49; Ин. 20, 21; ср. Деян. 1, 8). Обратим внимание, что это не «выводы» учеников, а всегда непосредственно повеления воскресшего Спасителя.

Всё это не оставляет сомнения в том, что проповедь, обращённая к внешнему миру, есть не просто существенная, важная задача учеников Хри-

стовых, но то, без чего Церковь в её человеческой составляющей, если можно так сказать, – не вполне Церковь. Если ученики молчат, замкнувшись в своем кругу и занявшись исключительно своим личным душевным комфортом, то их собрание страдает ущербностью. Полноценная Церковь не может не миссионерствовать:

«Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. 4, 20).

МИССИОНЕРСТВО «СРЕДИ СВОИХ»

В результате своей миссионерской проповеди апостолы обращали и приводили в Церковь как иудеев, воспитанных в монотеизме и ожидавших Христа, так и язычников, никогда не слышавших о Христе и даже не веровавших в единого Бога. Позже подобное апостольство Церкви «по всему миру» (Мк. 16, 15) непрерывно продолжалось, так что в истории христианства есть много славных страниц, связанных с обращением к вере целых народов.

Однако не менее, а наоборот, более актуальным является разговор совсем не о миссии среди далёких, почти как на других планетах, туземных племенах в Африке или других далёких и по географии, и по культуре и языку народов и племен. Такая миссия потребовала бы принять монашеские обеты и, оставив родной дом, целиком посвятить себя делу просвещения язычников где-то на краю земли. Нет, требуется миссия здесь, рядом с нами, среди своих же соотечественников, там, где мы сами родились и выросли, среди тех, чьи лица, язык, манера общаться и мыслить нам хорошо знакомы и являются частью нас самих.

На вопрос, правомерно ли говорить о христианской миссии в обществе, чья культура насчитывает уже целые века христианской истории, ответ прост и очевиден. Действительно, две тысячи лет прошли под знаком распространения и утверждения

христианства. О европейской и в том числе славянской культуре говорят не иначе как, прежде всего, о христианской культуре с достойным прошлым, после которого остался богатый арсенал культурных ценностей. И однако, приходится признать, что наше общество, всё это время жившее так или иначе «на фоне» христианства, так же точно нуждается в миссионерстве, как и языческий мир, просвещать который двинулись апостолы Христовы. Опять нужно провозглашать впервые о том, кто такой Иисус Христос (или, точнее, кто Он такой на самом деле) и какую Он хотел бы видеть Церковь в лице Своих учеников. При этом общество и о Нём, и о Церкви уже много раз слышало.

Актуальность задачи определяется совсем не только тем, что в недавнем советском прошлом была предпринята беспрецедентная попытка дехристианизировать и расцерковить огромное сообщество людей. Гораздо важнее учитывать другое: человеческое общество в целом, каждое поколение и каждый человек в отдельности делают свой ответственный выбор веры. Каждый раз как будто заново формулируется один и тот же вопрос, хотя на самом деле, он практически не меняет своей постановки с тех пор, как был поставлен ещё при земной жизни Христа: «Кто Сей?» (Мф. 21, 10). В противном случае, если этот выбор не делается сознательно и ответственно, общество становится традиционно христианским не в смысле преемства веры от своих отцов, а лишь в смысле привычных внешних форм и обрядов. Такая «традиционность» рано или поздно застывает, лишается своего внутреннего живого содержания и превращается в труп, в мумию, в труху, которая, ткнув в нее пальцем, быстро рассыплется и исчезнет, уступив место другим живым проявлениям религиозности – живым, но далеко не всегда культурным и спасительным. Подобный урок нам и был преподан...

«ИЗ НАЗАРЕТА МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ЧТО ДОБРОЕ?»

И всё-таки существует довольно устойчивое убеждение в том, что вопросы миссии Русскую Православную Церковь не так уж и заботят. Чей взгляд со стороны в данном случае мы имеем в виду?

Во-первых, взгляд со стороны довольно широкого круга людей, которые по большому счету не представляют собой практикующих верующих членов Церкви. Православная Церковь рассматривается ими как некая четко оформленная, занимающая свое определённое общественное и юридическое место структура или организация, выполняющая определённые профессиональные функции. Подсознательно Церковь здесь уподобляется различным фирмам или бюро услуг, удовлетворяющих различные нужды населения. Такой взгляд воспринимает Церковь через призму своих конкретных религиозных потребностей, связанных лишь с отдельными «судьбоносными» событиями своей личной или семейной жизни: рождением (в связи с этим необходимость быть

крещеным), вступлением в брак (необходимость быть повенчанным) и смертью (необходимость быть отпетым).

Кроме того, этот же взгляд видит Церковь через «стекло» телевидения и через газетные публикации. Здесь она фигурирует ещё и в качестве некоей силы, традиционно имеющей большой общественно-политический и идеологический вес. В данный исторический момент значение этой силы для внутренней политики, для идейного воспитания общества оценивается государственными властями и в целом общественным мнением, при всех порой довольно острых дискуссиях, положительно. При этом Православие зачастую рассматривается просто как замена прежней, не оправдавшей себя, то есть не принёсшей нужного результата (построения светлого будущего) идеологии.

Так создается впечатление, что Церкви не нужно так уж «напрягаться» в заботе о проповеди и об увеличении числа её членов: ведь она поддерживается государством, а также пользуется авторитетом традиционной религии предков, составляя неотъемлемую часть национальной культуры. В силу этих же причин миссионерство, как весть о воскресшем Христе и о Его заповедях, зачастую подменяется или оттесняется на второй план пропагандой вторичных по отношению ко Христу, хотя и безусловно важных ценностей – религиозных, как, например, почитание тех или иных церковных святых или соблюдение каких-либо церковных обычаев и культурно-политических: патриотизм, забота о семье и тому подобное.

Наверное, этим объясняется стойкое убеждение, распространённое среди некоторых протестантов, по большей части, новых образований (не мне судить, насколько это убеждение распространено), что Православная Церковь, как, кстати, и Католическая, – «мертвые» Церкви и потому не способны даже на какое-нибудь настоящее миссионерство. Православная Церковь, мол, занимает свою общественную нишу, довольно внушительную, но «не более того», а её традиционно «обеспеченное» положение в обществе позволяет ей попросту забыть о миссионерстве. Короче говоря, «из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1, 46)

Во-вторых, мы имеем в виду и взгляд тех, кто «знает цену» описанной выше «вере», принятой лишь формально, в силу традиции, воспринимаемой почти на бессознательном уровне.

Это взгляд тех, у кого, напротив, обострено желание решать свои мировоззренческие вопросы самостоятельно, отвергая авторитет, навязанный традицией, тем более что за годы коммунистического коллективного околпачивания у многих людей возникла стойкая неприязнь к любому массовому учению, пусть даже весьма содержательному и привлекательному по своим идеям. Сказывается оскомины, набитая горьким опытом коммунистической и комсомольской массовки, когда всех заставляли хором твердить ничему

Первые ученики Иисуса Христа. Гравюра Юлиуса Шнорр фон Каросфельда

не соответствующие оценки и лозунги. Причины, которыми объясняется подобное впечатление, понятны и видны невооруженным взглядом.

Деятельность Русской Православной Церкви, представленная целой иерархией митрополитов, епископов, архимандритов, протоиереев, настоятелей, наместников и тому подобное, зачастую выглядит как функционирование четко организованного ведомства, а также как правильно налаженное отправление сложного культа, состоящего из сложных священнодействий и сопровождаемых специальными текстами на труднопонятном древнем языке, который знают только специально обученные служители, порой напоминающие в этом смысле языческих жрецов или шаманов... Вдобавок со стороны священноначалия Русской Православной Церкви и в проповедях православных священников нередко раздаются жалобы на «прозелитизм» со стороны других христианских традиций (католиков и протестантов), то есть на, так сказать, «незаконное миссионерство».

«ПОЙДИ И ПОСМОТРИ»

Главная же проблема, на наш взгляд, заключается не в том, что в обществе имеются вышеописанные стереотипы, вредящие образу Православной Церкви как Церкви, могущей заниматься миссионерством, а в том, что сами православные, как священнослужители, так и миряне не всегда видят и потому не всегда способны использовать тот мощнейший миссионерский потенциал, который таят в себе хранилища Предания нашей Церкви.

А именно, в Православной Церкви можно найти и увидеть удивительно гармоничный баланс двух очень разных, но одинаково необходимых для успеха миссии, а затем и катехизации, начал. С одной стороны, это то начало, важность которого не приходится доказывать: она очевидна всем, независимо от принадлежности к какой-либо христианской традиции. Мы имеем в виду ту неповторимую, непреходящую новизну Евангелия, которая шокировала иудеев и язычников, внимавших Христу и Его апостолам, и продолжает «напрямую» трогать и обращать сердца людей

во все времена вплоть до сего дня. Это та новизна, которая может найти настоящий отклик только в результате сознательного выбора по собственной вере каждого конкретного человека. Нам нужно лишь направить человека туда, где в Православной Церкви звучит этот живой, пронизывающий до глубины души голос Христа, услышав который невольно воскликнешь: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6, 68). Как ни странно и парадоксально, а для кого-то, возможно, и пугающе тривиально будет звучать – Евангелия в его изначальной простоте и уникальности для православных никто не отменял!

С другой стороны, важна и богатая церковная традиция. На человека совсем нового она способна произвести подавляющее впечатление и поначалу даже «пугает» своей громадностью, сложностью и внешней «помпезностью», а на самом деле является (не побоимся высокопарных слов) сокровищницей необыкновенно полезных, актуальных, потрясающих своей богословской глубиной и духовным вкусом пластов Предания. Такое внушительное богатство по определению не может быть невзрачным и тусклым. Оно также не может быть пронзительным, резким голосом какого-то одного даже пусть самого одаренного и вдохновенного свидетеля. Оно – хор, который тебя подхватывает мощной волной полифонии.

Важно не остановиться на первом впечатлении от этой «глыбы», не испугаться, а, преодолев внутреннее сопротивление, войти внутрь и найти своё место – то, которое отвечает твоему призванию. Кстати, на наш взгляд, упомянутое преодоление внутреннего сопротивления, некоего «барьера величины» является сильнейшим психологическим аргументом в пользу силы православного миссионерского и катехизаторского метода: чем большее сопротивление преодолевает человек, тем большего и более надежного успеха он достигает в своем духовном росте. В самом деле, велика ли ценность такого обращения, когда тебе все «упростят», сведут к одному простому знаменателю, работающему для массового потребителя, «разжуют» и утешат, что «ты уже спасён»? Ясно, что все серьезные, мало-мальски значимые в жизни вещи познаются только в результате серьезных усилий, внутренних жертв, разочарований, переоценок и добросовестного труда познания.

Иначе говоря, на вопрос «из Назарета может ли быть что доброе?» следует и ответить по Евангелию: «Пойди и посмотри» (Ин. 1, 51).

Из сказанного следует и то, что настоящая миссия не обязательно должна бросаться в глаза как внешне яркое и тем более навязчивое явление. Подлинная христианская миссия Православной Церковью совершается и должна совершаться без примеси какой-либо политической или националистической идеологии, равно как и без какого-либо настырного и насильного «впихивания» Православия. И тот факт, что Православная Церковь занимает господствующее традиционное по-

ложение в нашем обществе, – на самом деле, хотя частично и может быть объяснением, так сказать, «неброскости», «ненавязчивости» православной миссии (см. выше), но объяснением весьма недостаточным и неглубоким. Это не отказ от миссии, а наоборот, предпочтение такой миссии, которая подразумевает вдумчивое, вопрошающее слушание желательно на персональном уровне со стороны того, кто ищет, но желает разрешить прежде свои сомнения, а затем с готовностью обратиться ко Христу. И если уж говорить о недостаточности православной миссии, то именно в смысле как раз подобной спокойной, вдумчивой миссии.

МИССИОНЕРСТВО СЕГОДНЯ

Здесь можно возразить: ведь в Новом Завете много раз говорится о необходимости без устали проповедовать, обращаться, благовествовать как можно большему количеству людей, перед как можно более многочисленными аудиториями: «Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф. 10, 27); «Горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9, 16) и тому подобное.

Думается, однако, что две тысячи лет истории под сенью христианства внесли одну важную поправку или, точнее, дополнительный фактор в ситуацию с миссионерством. Ведь сейчас вряд ли найдется такой человек, который бы вообще никогда не слышал о Христе и о Церкви. О Боге сейчас говорят, если не буквально на кровлях, то с таких трибун, с которых охватывается немало большая слушательская аудитория, нежели с кровлей: по радио, телевидению, в газетах и тому подобное. Можно почти ежедневно слышать и о Христе, и о вере, и о странных словах «Любите врагов ваших...» (своего рода «фирменном» знаке христианства). Общество привычно оперирует понятиями и терминами в истоках своих христианскими. В этой связи следует признать, что миссия, изначальное понимавшаяся как весть к совершенно новой, вовсе не знакомой с христианством аудитории, должна претерпеть некоторую коррекцию. Вопрос к нашему современнику нужно формулировать не «веруешь ли ты во Христа?», а иначе: «действительно ли ты веруешь во Христа?» Или: «веруешь ли ты в такого Христа, о Котором говорится в Евангелии и в Которого верует Церковь?» Иными словами, следует обострить или обновить веру во Христа, спящую и как будто не замечаемую человеком в самом себе, примерно так же как горожанин «не замечает» храма, стоящего рядом с ним и встречающегося на его пути каждый день.

Только тогда возможно достижение главной цели миссии: из всей гущи религиозных представлений, обрывочных, хотя и многочисленных сведений о христианстве, наслаивающихся на всевозможные суеверия, среди которых где-то оказывается «затерянным» и Иисус Христос, выволить Его и воцарить на подобающем Ему месте – в сердцах и умах людей.

«МИССИОНЕРСКИЙ ПРИХОД»

ЗАДАЧА СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ?

В настоящее время в Церкви все чаще и чаще говорится о миссии, в 2007 г. Священным Синодом была принята «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви». Что же это такое миссия, и чем она отличается от катехизации? Что такое «миссионерский приход», о котором в «Концепции» говорится следующее: «Приход, подтвердивший свою способность (по уровню подготовленности и практическим результатам) заниматься миссионерской деятельностью постоянно и плодотворно, приобретает статус миссионерского прихода»? Своими мыслями об этом и многом другом поделились участники круглого стола, организованного 13 мая 2008 года журналом «Вода живая».

**Иерей
Михаил
Браверман**

Церковь по своей природе является миссионерской, потому что повеление Христа апостолам «пойти, научить и крестить все народы» есть призыв к миссии. Миссия Церкви, в отличие от катехизации, — это слово, обращённое не к тем людям, которые находятся внутри церковной ограды, а к тем, кто ещё далёк от храма, и Церковь приходит к ним сама. У меня есть небольшой опыт миссии среди трудных подростков, из которого я лично для себя вывел положение: прежде чем стать христианином, нужно стать человеком. Поэтому люди, которые испытывают большие трудности в своём социальном общении, в своём психологическом развитии, часто ещё не готовы прийти в храм. Однако понимание того, что мир не ограничивается только компьютерным клубом или пив-

ным ларьком, у такой молодёжи уже есть, потому что к ним приходит священник. Моя задача — не просто рассказать им об основных положениях веры, ведь они могут этого и не услышать, а показать, что священник — это обычный, нормальный человек, что с ним можно обычно, нормально общаться. И он знает такие вещи об окружающем мире, которых не знают они, потому что священник делится опытом, достоянием Церкви.

Замечательно, что миссионерская работа позволяет общаться и вне стен храма. Есть в Церкви очень много людей, которые хотят — и не знают, как применить свои силы, как послужить ближнему. Поэтому, к примеру, когда я иду в больницу, то я посылаю перед собой мирян. Это очень важно. Ведь люди, видя входящего в палату батюшку, часто думают, что это конец — смерть пришла. Однако миряне могут выяснить, кто имеет потребность в общении со священником, в меру своей подготовленности проводят с ними катехизиче-

скую беседу. И когда я прихожу в больницу, я прихожу к конкретному человеку, который знает, что придёт священник, знает, что со священником можно поговорить.

Без мирян такое служение было бы очень и очень тяжёлым. Тем самым верующие действительно могут реализовать свою христианскую любовь. Прежде чем нас стали пускать в хоспис для разговора о Таинствах, мы мыли полы, ходили к санитарам, спрашивали, чем помочь, поскольку нужно было преодолеть барьер — сотрудни- ки просто не понимали, зачем мы сюда приходим. И когда через полгода они убедились, что мы помогаем, то стали разрешать нам уже духовно помогать тяжёлым больным. Когда я иду в больницу, я не зову всех пойти со мной, потому что служение в больнице — вещь особенная. Но, зная своих прихожан, имея с ними многолетний опыт общения, я знаю, на что они способны, что они могут. Тем людям, которым я предлагаю, это,

безусловно, очень полезно, ведь у каждого свои таланты: кто-то может купить подарки, кто-то этого не может, но может принять активное участие в разговоре с больными и т.д. Ведь каждый человек, который приходит в храм, который чувствует себя членом общины, потом уходит в мир, где он проявляет своё христианство. Это и есть миссия, поскольку мы хотим продолжить наше единство со Христом, передать другим людям радость общения с Богом — каждый лично.

**Александр
Буров**

Хочется вспомнить два образа из Священного Писания, дающие представление о миссии и катехизации. Миссия для меня прежде всего ассоциируется с сошествием Святого Духа, описанным в Книге Деяний — Пятидесятница и выход апостолов на проповедь. Открытая проповедь «граду и миру» является классическим образцом миссии.

Если говорить об отличии миссии от катехизации, мне вспоминается другой образ — воскрешение Лазаря. Когда Лазарь появляется в проёме пещеры, служившей ему гробницей, делает два шага и останавливается, Господь говорит ученикам: «Снимите с него пелены, чтобы он мог ходить!» Вот это снятие пелен, снятие того, что человеку мешает жить со Христом, жить в Церкви, и является катехизацией. То есть прежде чем начать катехизацию, нужно человека «вытащить» из состояния смерти — привести в Церковь, и тогда можно уже начинать катехизацию. В начале 90-х годов сотни людей приходили в храмы, чтобы покреститься, но многих из них сейчас нет в Церкви именно потому, что не нашлось тех, кто помог бы им научиться «ходить».

Не следует думать, что миссия выполняет служебную функцию по отношению к катехизации или наоборот. Миссия имеет самостоятельную ценность. Я бы

здесь ввёл ещё некоторое различие: существует не только миссия среди неверующих — людей, находящихся вне Церкви, которых сейчас в нашей стране сейчас большинство. Есть миссия и среди людей, может быть, уже верующих, но ещё не живущих церковной жизнью. Возможно, имеет смысл говорить ещё и о такой разновидности миссии как евангелизация, то есть уже для людей, живущих в Церкви. Ведь очень часто жизнь в Церкви далека от идеала евангельской жизни, и здесь у нас есть обширная область для работы.

**Протоиерей
Александр
Сорокин**

Я бы заострил внимание на особенности сегодняшней миссии: она не обращена к людям, которые ничего не знают о Христе, Евангелии, Церкви. Европейская и русская культуры являются по своей сути христианскими, они насчитывают века и даже тысячелетия истории. Поэтому миссия сегодня заключается в том, чтобы привести этих людей ко Христу, но не просто сказать о том, Кто Он такой, тому, кто о Нём никогда не слышал и не знал, а Кто Он такой на самом деле. Соответствует ли образ, существующий в головах всех тех, кто уверен, что знает, Кто такой Христос и встречался с христианами, тому, который предлагается нашему вниманию в Евангелии? И, конечно же, вопрос ещё заключается в том, соответствуют ли этому образу сами христиане, прежде всего православные.

Всякий раз, когда мы затеваем разговор о миссии и о миссионерском приходе, возникает ощущение, что мы имеем дело с чем-то хорошо знакомым, первостепенно важным, но с чем-то таким, что постоянно ускользает от чёткого определения. Когда мы определяем, что такое миссия, то выясняется, что это главное дело Церкви — благовестие о Христе.

С этого началась Церковь, в этом суть Евангелия, которое завершается повелением идти и научить всех, проповедовать, обратиться, научить, наставить. Однако мы сразу же сталкиваемся с тем, что сегодня каким-то образом миссия стала особым делом определенного круга людей на разных уровнях — на синодальном, епархиальном, приходском. С одной стороны, мы говорим, что да, миссионерский приход — это настоящий приход, в меру своих сил представляющий живое целое, представляющий живое общество, общину. Однако тут же выясняем, что миссионерский приход — это нечто специальное, отдельное. Я скорее поставил бы вопрос так: что такое немиссионерский приход? Миссия — это то, что однозначно направлено «вне», других вариантов просто быть не может. А во что такое это «вне»? Достаточно сделать двести шагов до Московского вокзала, и мы увидим всё это «вне».

Возникает вопрос: почему две тысячи лет назад христианская Церковь родилась и в очень короткое время действительно взорвала весь мир? Ведь существовала огромная пропасть между тем библейским миром, в котором возникло христианство, и окружающим обществом Римской империи — в культурном и во всех других отношениях миром? Почему она была так сравнительно «легко», или, скорее, плодотворно (хотя, конечно, с огромными реками крови и других жертв, мучений) преодолена, причём всё это неким образом составило целый пласт того, чем Церковь жила в течение последующих веков? Был как бы заложен «первоначальный капитал», который потом приносил дивиденды, и до сих пор мы на эти «запасы» живём. А потом миссия превратилась в «вербовку» новых и новых народов в лоно Церкви, причём кровь уже лилась не со стороны христиан-мучеников, а нередко с противоположной стороны. Конечно, нельзя влезть в штанишки, которые ты носил, когда тебе было четыре года, бу-

дучи взрослым мужем, — речь идёт не об этом, поэтому глупо просто стремиться к древности. Однако размышлять об отношениях между сегодняшней Церковью и окружающим миром необходимо.

В самом деле, общим местом является то, что современное общество выглядит гораздо менее религиозным, более того, оно как будто это даже осознает и декларирует. Везде говорится о секулярности, неконфессиональности чего угодно — образования, общественной жизни, государственной службы и тому подобное. Но в том то и дело, что в этом открытом отрицании религиозности заключается своя религиозность. Это тоже своего рода религия со своими верованиями и догматами. Коммунизм также был религией. Человек по определению — существо религиозное: каждый из нас рождается в мир с одинаковым, стандартным «комплектом», где в разделе «душа» находится религиозное чувство. Другое дело, что это религиозное чувство по-разному может быть реализовано и в разные стороны направлено. И если в древности всеобщая набожность в лице христиан встретила воистину убедительную новизну, понятую как настоящее спасение, то сегодня мы можем говорить, что с трудом подбираем ключи к нынешним формам религиозности, заявляющим себя как атеизм, коммунизм, секуляризм и тому подобное.

**Иеромонах
Агафангел
(Белых),
сотрудник
Миссионерского
отдела МП**

Парадоксальность нынешней миссионерской ситуации в России заключается в том, что миссия, как ни странно, в своей массе обращена к людям уже крещённым. К сожалению, наша обычная традиция предполагает крещение младенцев без катехизации их родителей и крёстных. И люди, которые

юридически являются членами Церкви, но практически не знакомы с христианством, должны снова услышать Благою весть о Христе, снова должны учиться христианству «с нуля». Второй, очень важный аспект: то представление о Христе, которое мы являем, должно быть неразрывно связано с живым опытом христианской жизни. Миссия — это ни в коем случае не технология, не какая-либо методика, которую мы однажды разработали — и всё будет как надо. Это живой процесс, ведущий от сердца к сердцу.

Что же касается понятия «миссионерский приход», то мне кажется, что любой приход — это приход миссионерский. С одной стороны, перед нами обычное требование — любой приход должен трудиться на вверенной ему территории, должен иметь образованных сотрудников, заниматься социальной деятельностью. Однако открытым остается вопрос о каноническом статусе «миссионерского прихода»: о каком приходе можно сказать, что он имеет статус «миссионерского», а какой — нет? Мне кажется, «миссионерский» приход — это живой приход, имеющий прежде всего живую общинную жизнь, в котором собраны активные миряне.

Сотрудники Миссионерского отдела сейчас объезжают все наши Епархии и Духовные школы с семинарами, на которых мы представляем «Концепцию миссионерской деятельности». Как правило, «на местах» везде возникает вопрос: объясните, что же всё-таки такое миссионерский приход. И когда мы начинаем объяснять примерно так, как сейчас здесь: это обычный, нормальный, живой приход, то сразу возникает вопрос о его статусе, отличиях. Чем он отличается от других приходов Епархии? На этот вопрос мы пока ответить не можем. Поэтому, когда мы говорим о понятии «миссионерский приход», необходимо попытаться осветить сторону и каноническую, и административную.

Может быть, нам не стоит углубляться в конкретику: что именно делать, какое ноу-хау необходимо, потому что общего для всех рецепта быть не может. На разных приходах могут быть разные служения. Главное, мне кажется, понять, что миряне, составляющие общину, должны быть мотивированы на эту миссионерскую деятельность, они должны прежде всего хотеть этим заниматься, а жизнь подскажет, что нужно будет им делать. Ведь вызовы перед нами встают каждый день разные. Мотивировать можно не только словом о Христе, но и делом. Вспоминается эпизод из жизни святителя Иннокентия (Вениаминова), который молодым священником (ему было 26 или 27 лет) приехал миссионерствовать в место, где люди не знали о Христе. С чего он начал свою деятельность? Он посадил огород и стал кормить тем, что вырастил, алеутов, которые к нему приходили. Когда они посмотрели, что он делает, то попросили научить их; он стал учить сажать огород, обрабатывать землю. Он не стал им сразу же говорить о Христе, о Евангелии, но осуществлял ту самую миссионерскую работу, которая была в то время востребована.

**Ирина
Левина**

Важно перед тем, как развивать миссионерскую деятельность задуматься: кого и куда мы зовём? Чего мы хотим от человека, и в чём для нас заключается образ православного христианина? Что мы готовы предложить людям? Сейчас, согласно статистике, как минимум 80% заявляют себя православными. Такое иногда создается ощущение, что цель миссионерства в нашей Церкви: просто повысить это цифру до 85 или 95%.

Один проповедник, обращаясь к протестантской аудитории, сказал (меня очень задело и удивили его слова): «Мы часто

просим Бога, чтобы Он послал нам людей, создал условия... А разве у нас не было всех условий и тысяч, десятков тысяч людей, которых Бог к нам посылал во времена перестройки? Но мы породили армию «отступников», и должны это осознавать! Люди пришли в наши храмы, в наши общины, а живой встречи с Богом у них не произошло. Они встретились с людьми, с церковным институтом... И теперь ничего не хотят слышать о Боге». Сейчас множество людей приходят или готовы прийти, исходя, конечно, из разных мотивов, в Православную Церковь. Я чувствую, насколько велика ответственность миссионеров: ведь, заниматься миссионерством ради миссионерства, просто работая на статистику, — и глупо, и опасно

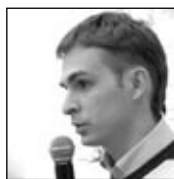

**Иерей
Димитрий
Симонов**

Рассуждая на тему миссионерского прихода, я задаюсь вопросом: а возможно ли нечто иное? У нас приход — это фактически административная единица Церкви, и это действительно очень тяжело. Когда я только прочитал в «Концепции» о миссионерском приходе, я подумал, что меня вряд ли это когда-нибудь коснётся. У меня возникло впечатление, что этот приход организуется в каком-нибудь народе, который вообще никогда не слышал ничего об Иисусе Христе, а если слышал, то случайно и несерьёзно, и там вообще нет христиан; именно туда приезжает группа людей, которая создаёт миссионерский приход и пытается благовествовать. Однако затем, в процессе чтения текста «Концепции» выяснилось, что этот статус миссионерского прихода предполагается внутри Церкви. В тексте «Концепции» мне кажется важным один аспект — социальная деятельность такого прихода. Мне кажется, что социальное служение Церкви — это уже миссия, потому

что оно является действенным словом Церкви, произнесённым в обществе. Мы не раз сталкивались с тем, что можно говорить о Христе, о самых высоких и главных вещах, но нередко возникает контраргумент: где же ваши явленные дела? Поэтому перед нами стоит вопрос: каково наше практическое служение? Какие формы оно может иметь в сегодняшнем обществе? Какова его миссионерская составляющая? Как пойти к людям? В какой форме пойти? И кто должен идти?

Один молодой священник рассказал, как он пришёл в роддом, который находился недалеко от его храма. Ему нужно было как-то прийти — и он не знал как. Поэтому он просто пожертвовал туда несколько кроватей, и с этим подарком они туда пришли, конечно, сразу возникло хорошее отношение к ним — ведь они не просто пришли освятить, благословить, но изначально был послан некоего действия. Итог этого действия мне кажется очень важным, потому что это действие у каждого человека, у каждого прихода, общины может быть какое-то своё, индивидуальное, но сама эта идея может быть, на мой взгляд, очень полезна.

**Алексей
Волчков**

Церковь должна быть миссионерской, и это понятно каждому. Это неоспоримый факт, сущностное свойство самой Церкви. Великое Божие Поручение, данное Иисусом Христом ей, то есть всем нам. Это настоящий гвоздь, вбитый в плоть нашей спокойной и предсказуемой жизни. На самом деле все люди, независимо от своей религиозной принадлежности, являются миссионерами. Только родившись, мы отправляемся каждый в свою миссию, смысл которой состоит в самореализации, «финансовой независимости», завоевание славы в этом мире.

Но вот мы становимся христианами, и у нас не остаётся иного пути кроме как стать миссионерами Иисуса Христа. Бог имеет обыкновение являться представителям Своего народа и говорить: «Тебе надлежит изменить свою жизнь, отказаться от себя, поскольку Я имею для тебя особое поручение». Драма христианского миссионерства состоит в том, что Бог, обращаясь к нам, часто не имеет «запасных вариантов». Если мы откажемся от прямого, обращенного конкретно к нам, звания Божия, то весь ход мировой истории может измениться. Твои соседи-язычники так и умрут, поклоняясь своим телевизионным и рыночным божкам, город, в котором ты живёшь, так и останется городом людей, идущих «широкими воротами и пространством путем», твой народ не обратится к Богу и не перестанет быть народом «с крепким лбом и жестоким сердцем».

Но Авраам отправляется в землю, которую Бог указывает ему, и рождается Израиль. Гонитель Савл становится миссионером Павлом, и спустя три столетия Империя покоряется Христу. Итак, каждому православному христианину нужно быть миссионером. А если не получится? Если окажемся объектом насмешек и поношения, потеряем друзей и репутацию? Точно так и будет! Ученик не больше учителя, и раб не больше господина своего. Но где найти силы, чтобы это служение нести? Дело в том, что известные слова Спасителя, посылающего апостолов в мир начинаются словами: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле».

Осуществляя дело проповеди Евангелия, мы оказываемся соратниками, друзьями, приближенными главного Начальника этого мира. А Его уполномоченных страшатся духи и слушаются начальства и власти. Об этом надо помнить всегда.

Фото: Станислав Марченко

СТОРОЖНО

Летняя пора – прекрасная возможность для путешествий. А если у вас есть личный автомобиль, то ваши возможности по изучению родного края поистине безграничны.

Не будучи связанными расписанием и другими «прелестями» нашего общественного транспорта, вы без труда можете забраться в самые удалённые, прямо-таки «медвежьи» уголки Ленинградской области, чтобы с удивлением обнаружить там совершенно уникальные памятники истории и архитектуры.

Об одном из таких мест мы и расскажем сегодня нашим читателям. Речь пойдет о Сторожно – небольшой деревеньке на берегу Ладожского озера, славной тем, что в середине XVI века пираты основали здесь монастырь-крепость, а в начале XX века, уже наши современники, построили неподалёку самый высокий в Европе маяк.

КАК ДОБРАТЬСЯ

Чтобы попасть в Сторожно из Санкт-Петербурга нужно сначала проехать 175 километров по Мурманскому шоссе. Хорошая дорога начинается только за рекой Волхов, а до этого нужно быть очень внимательным, особенно в тёмное время суток. Кстати, через 123 километра пути, там, где ДПС и повороты, ведущие на Старую и Новую Ладогу, есть большой рыбный рынок. Перекусить можно здесь, а можно через 10 километров в Сясьстрое, где в конце города справа есть кафе. Продолжаете движение и въезжаете в деревню Паша. Здесь не торопитесь, так как надо будет повернуть налево перед самым мостом через реку Паша. После поворота, где-то через четыре километра, вы увидите большой пятиглавый храм с двухъярусной колокольней и со шпилем.

Это храм Рождества Христова в деревне Надкопанье. Эта церковь построена в 1822–1829 годах, но ещё в XVI веке на её месте была старинная каменная церковь, впоследствии разобранная. Следуете дальше и через восемь километров въезжаете в деревню Кондратьево, за мостом у знака «Загубье» поворачиваете налево – на грунтовую дорогу. Через 10 километров езды по довольно сносной грунтовке вы попадаете в Загубье.

ЗАГУБЬЕ

Село Загубье получило своё название благодаря расположению за губой, образованной разливом реки Свирь при впадении в Ладожское озеро. Позже эту губу стали называть Загубокой, таким образом, наименование посёлка дало название природному объекту. Загубским называется также полуостров Ладожского озера, на северной оконечности которого, на мысу Избушечном, рас-

положен рыбхоз «Сторожно». Нынешнее Загубье объединяет два старинных села – Большое Загубье и Малое Загубье, расположенных по берегам двух каналов Старо- и Новолadoжского. В Загубье есть старинная каменная Спасо-Преображенская церковь, построенная в 1829 году. После советского безбожья и лихолетья храм находится в полуразрушенном, весьма плачевном состоянии. Однако на стенах и внутри купола сохранились росписи, причем более ранние даже проглядывают сквозь более поздние. Настоятель храма отец Александр Дягилев старается сохранить то, что осталось, но главное активно налаживает в Загубье приходскую жизнь. Всем миром удалось построить небольшую деревянную церковь святого великомученика и целителя Пантелеимона, в которой можно служить и зимой.

СТОРОЖНО

Чтобы отправится из села Загубье в Сторожно, нужно пересечь понтонный мост (а другого-то, собственно, и нет) через Новолadoжский канал. Делать это надо очень аккуратно, с помощью досок и стороннего помощника-наблюдателя. Но в результате, проезжают все: и внедорожники, и легковушки. Далее 18 километров в направлении на северо-запад, через весь полуостров. На первых километрах пути к дороге вплотную подступает обширное болото с чахлой растительностью. Осенью здесь собирают клюкву. Дальше рельеф становится возвышенным, и дорога идёт прекрасным хвойным лесом с редким вкраплением стройных берез.

Наконец, лес расступается, и вы «оказываетесь на мысу полуострова, а вокруг, сколько может охватить глаз, расстилается гладь Лadoжского озера с темнеющими на ней рыболовецкими барками. Вдоль побережья тянется улица с двумя рядами домов, щедро и разнообразно украшенных резьбой. Это и есть поселок рыбхоза «Сторожно», а древнее его название – Подмонастырская слободка». Назван он так был неспроста. Дело в том, что в древние времена здесь обитали самые настоящие пираты, грабившие проходившие мимо суда. Так вот, один из пиратов, впоследствии святой Киприан, после того, как он чудом выжил во время чудовищного шторма, дал обет оставить свой преступный промысел. Мало того, он ещё и своих поделщиков убедил сделать то же самое. И все вместе они основали в Сторожно монастырь, а Киприан стал первым игуменом, а впоследствии местничим святым. Говорят даже, что принял он мученическую кончину от рук других, ещё не раскаявшихся разбойников.

День памяти святого Киприана отмечается трижды – в 3-ю Неделю по Пятидесятнице 15 ноября и 8 сентября по новому стилю – вместе с его наставником. Монастырь же в честь святого стал называться Киприано-Стороженским. Кстати, интересно будет узнать, что постриг нашего разбойника в монахи святитель Адриан Друсицкий. Если вспомнить житие преподобного Александра

Свирского, то в нём есть эпизод, рассказывающий о том, как некий купец Завалишин, охотясь, наткнулся в лесу на тайное жилище преподобного, удивился его святости и рассказал о ней людям... Потом этот купец стал учеником Свирского святого, принял монашество, был хиротонисан во епископа. Вот он-то, святитель Адриан Друсицкий, и постриг лadoжского пирата...

Монастырь, построенный в середине XVI века, был частью оборонительных сооружений, в число которых входили и другие крупные монастыри Приладожья, такие как Тихвинский Успенский, Александро-Свирский. Именно поэтому Киприано-Стороженский монастырь весьма необычной формы, являющимся чем-то средним между церковью и крепостью. Монастырская церковь была освящена в честь святого Николая Чудотворца – покровителя всех мореплавателей.

Представление о древнем облике монастыря в Сторожно дает опись 1768 года, где отмечается, что «каменная церковь была крыта тёсом, имела две главы, обитые “чешуёю”. Деревянную главку над приделом венчал железный крест, а мощная кирпичная глава самой церкви завершалась деревянным крестом. В той церкви и в олтаре оконниц стеклычатых осьмнадцать. У показанной церкви крыльцо брущатое с переходами в колокольню, забраны и покрыты тёсом. Колокольня деревянная шатровая крыта тёсом... Вокруг оно монастыря ограда деревянная крыта тёсом на две стороны, в ней трои ворота». Монастырь был упразднён в 1778 году, в царствование Екатерины II, церковь стала приходской и была приписана к храму в Загубье. В советское время бывший монастырский комплекс постепенно разрушался, церковь, разумеется, была закрыта. Сегодня трудами иеромонаха Антония (Кузнецова) монастырь потихоньку восстанавливается. Рядом с каменным монастырским зданием построена небольшая деревянная церковь, установлен памятный крест.

МАЯК

Еще одной достопримечательностью Сторожно по праву считается маяк – самый высокий в Европе. Он был построен в 1906 году, и недавно, к своему столетию, полностью отремонтирован. Высота маяка от уровня воды – 76 метров, и чтобы подняться по узкой винтовой лестнице на самый верх, нужно преодолеть более 400 ступеней. Зато с высоты открываются живописные виды Лadoги, Сторожно и окрестностей. Европы, правда, пока с маяка не видно. В семи километрах от Сторожно есть и другой – старый маяк, но он совсем крошечный, всего 35 метров. А ещё где-то по дороге к старому маяку, километрах в четырех от Сторожно, есть древний языческий жертвенный камень, называемый Пичин.

*Сергей Наконечный
Фото автора*

САГА О ЛЮБВИ

Никонов Николай. Епифань.
СПб: «Ладан», «Троицкая школа», 2008.

Новая книга Николая Никонова повествует не о судьбах истории, но о судьбах людей. Историческая панорама в ней увидена глазами послушника, живущего накануне Куликовской битвы в небольшом скиту на окраине Рязанского княжества.

Заглавие книге связано с именем города Епифань, чья история насчитывает более шестисот лет. Князем Иваном

Мстиславским он был основан на левом берегу Дона как южный форпост Московского государства. Епифанские стрельцы и казаки доблестно отражали набеги крымских ханов, именно отсюда начинается история донского казачества, прославившегося в веках своей ратной славой.

О чём эта книга, автор говорит такими словами: «Это не книга о войнах и сражениях, это сага о любви».

Девушка Настя, потерявшая в одночасье всю свою семью, полюбила послушника монастыря Михея. Забота о девушке-сироте пробуждает в его памяти воспоминания о собственных утратах и жестоких испытаниях. Тема любви красной нитью проходит сквозь всю книгу. Эта любовь не страстная, но целомудренная. Особенно пронзительное звучание она обретает на фоне эпического повествования о жизни русских князей и средневековой Руси — от битвы на Калке до Куликова поля.

Примечательно, что автор не пошёл по пути, которым идут многие писатели, использующие историческую тему как приманку для читателя, чтобы в действительности увлечь собственным сюжетом и картиной человеческих страстей.

«Епифань» открывает внимательному читателю достоверные факты и события из жизни Руси того времени со знанием имён, мест и дат. Историческая сага — таков жанр книги, предлагаемой самому широкому кругу читателей.

Книга читается легко, можно сказать на одном дыхании: непрерывное действие, тайны и загадки, духовные битвы и военные сражения, зависть и мужество, месть и смирение, и над всем этим воинством, как свободная птица, парит любовь.

Помимо исторической повести «Епифань» в книгу вошли также рассказы и стихи разных лет. В качестве иллюстраций здесь использованы картины талантливого современного художника Павла Рыженко.

Инна Азарова

НА ПУТИ В ВЕЧНЫЕ ОБИТЕЛИ...

Митрополит Николай (Могилевский). Тайна души человеческой. Святоотеческое учение о борьбе со страстями. СПб: «Библиополис», 2007.

Николай (Могилевский Фёдоровский Никифорович), митрополит Алма-Атинский и Казахстанский, родился в 1874 году в семье псаломщика села Коммисаровки Верхне-Днепропетровского уезда Екатеринославской губернии. По окончании духовного училища и семинарии он поступил послушником в Нилову пустынь, где в 1904 году был пострижен

в монашество, а в 1905 г. — рукоположен в иеромонаха. В 1919 г. о. Николай был хиротонисан в епископа Стародубского, затем последовали назначения на различные кафедры, а в июне 1945 г. он был назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. В феврале 1955 владыка был возведен в сан митрополита. Скончался митрополит Николай 25 октября 1955 г., а на Архиерейском Соборе в августе 2000 года он был причислен к лику святых.

Данный труд митрополита Николая (Могилевского) представляет собой краткое, но весьма четкое изложение святоотеческого учения о страстях и путях борьбы с ними. Более того, все святоотеческие суждения и мысли покоятся на крепком фундаменте книг Священного Писания Нового Завета, что придает труду характер некоего моста, связывающего новозаветную и святоотеческую нравственную традицию. В основании книги, согласно владыке Николаю, лежит утверждение о том, что добровольное «грехопадение делает природу человека поврежденной, и это поврежденное состояние является источником страстей». Но, памятуя о том, что, согласно с утверждением Иоанна Кассиана Римлянина, «благодать подается от Бога за труды и подвиги только трудящемуся», всякий воин Христов должен вести брань против духов века сего ради Царствия Небесного. Ибо, по словам преп. Макария Великого, «хоть и изъязвлена душа язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмой, однако имеет волю возопить к Иисусу и призвать Его, чтобы пришёл Он и сотворил душе вечное избавление». Именно через это происходит наша столь необходимая для спасения встреча с Господом Иисусом Христом.

Несомненным достоинством книги является прекрасно подготовленный справочный аппарат с большим числом ссылок на труды святых отцов и учителей Церкви, что делает её весьма полезной для учащихся духовных учебных заведений при изучении ими нравственного богословия, патрологии и аскетики.

Константин Глазков

СЛОВО

МАГАЗИН
ХРИСТИАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

"Невский проспект" (выход на Канал Грибоедова)

«СЛОВО»

Малая Конюшенная

Более 10 000 наименований книг – по всем аспектам христианства. Большой ассортимент аудио и видео кассет, изобразительной и сувенирной продукции.

К вашим услугам: интернет-магазин и отдел "книга-почтой"

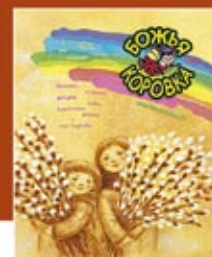
191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9
тел.: (812) 571 20 75, факс: (812) 312 52 00
e-mail: slovo@peterlink.ru www.slovo.net.ru

ЕЖЕГОДНЫЙ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ
СПРАВОЧНИК
Санкт-Петербургской епархии

Новая книга об иконописи в серии «Зримая истина»

БОЖЬЯ КОРОВКА
иллюстрированный детский православный журнал

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛАДАН

Оптовая, розничная и Интернет-продажа православной литературы. Доставка по СПб и области. Первый в Санкт-Петербурге ПРАВОСЛАВНЫЙ БУКИНИСТ

Склад-магазин:
СПб, ул. Решетникова, 13
тел.: (812) 388 59 89
e-mail: publishing@MobyPrint.ru
www.LadanSpb.ru

Православный Паломник

Ваш верный попутчик

Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект, д. 8/29
Тел.: (499) 783-4387, факс: (495) 147-7969

Подписные индексы: 42093 (каталог "Пресса России"),
81274 (каталог "Газеты. Журналы" Роспечать)

BO
ΔA